

ВНЕ
ЗАКОНА

Вячеслав ДЕНИСОВ

Его оружием будет правда

**МЕСТЬ
ПО ЗАКОНУ**

ЭКСМО

Судья Струге

Вячеслав Денисов

Месть по закону

«ЭКСМО»

2002

Денисов В. Ю.

Месть по закону / В. Ю. Денисов — «Эксмо», 2002 — (Судья Струге)

Кто-то теряет, кто-то находит. И еще неизвестно, кому повезло меньше: вору в законе Пастору, не сумевшему сохранить общак братвы, или неподкупному судье Антону Струге, нашедшему эти деньги. Ведь Пастору ничего не стоит приговорить судью к смерти по своему воровскому «закону», а Струге даже в шаге от гибели не может преступить закон. Но все-таки и здесь для мести остается узкий «коридор возможностей». Можно ведь мстить строго по закону...

© Денисов В. Ю., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	40
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Вячеслав Денисов

Месть по закону

Пролог

«...Прошли времена набивания «стрелок» на пустырях, в зданиях нефункционирующих, разворованных за годы форсированной демократии заводов и на пустынных берегах морей. Дураков нынче нет. Сейчас для обмена наркоты на рубли, ракет «земля—воздух» на доллары и обещания убить на обещание исправиться выбираются площадки возле кинотеатров в момент начала сеанса, трибуна на стадионе во время третьего периода игры «Шинник» – «Барселона», или, на крайний случай, на кладбище, в момент захоронения. Так проще в ментуре гнать фуфло: мол, «Че, командир, спрашиваешь, что это я тут делаю? Не видишь шарф «Шинника» на шее, в натуре? Болею я тут, болею, блин!» Другой вариант – изобразить смиренный гнев на погосте: «Не стыдно, на фиг? Друга хоронят, а ты со своей «отравой» лезешь?»

– Какой он тебе друг, олень?! Хоронят ветерана брусиловского прорыва, а ты – кто? Правнук Брусилова?

Не волнует. Попробуй докажи.

Но и менты сейчас нижнюю губу по асфальту не волочат. Научились. Взяли моду вместо одной стороны на «стрелу» прибывать. А кто их сейчас от молодняка-братвы отличит? Тот же взгляд быковатый, лица, не обезображенные интеллектом, да «базар» бессмысленный. Поэтому приходится, чтобы хоть как-то отличаться от служителей закона, переодеваться в порядочные костюмы, куртки кожаные снимать, прически нормальные отпускать да разговаривать по-человечьи. И если на «толковище» только послышалось: «Че, в натуре, мусора, бля, «хвост» оттоптали? – «Стрелу» запаadlo «прокалывать», на целых десять минут опоздали!» – расходится, вздохнув, братва. Ну, как можно дальше жить и барыгам «крыши» строить, если барыга на «разговор» мусоров приводит? Нет, не арестовывать за вымогательство. Просто объяснить, что не хрен заниматься архитектурой там, где «крыша» уже построена. Так братва скоро загнется, захиреет, как яблонька в засуху, если выхода не найдет. Все киоски – под «погонами», автосервисы – туда вообще лучше не соваться, даже нос в щелку не стоит засовывать – откусят по самые уши. Через пять лет, а это не за горами, придется положенцам из общака ментам уже не втихую отстегивать, а официально платить. Потому что если не заплатить – менты приедут и избыют. Отберут пистолеты, автоматы, да еще под зад в окончании разговора дадут: «Теперь платить будете в два раза больше».

Вот так, жить становится все невыносимее. Раньше милиция работала «без права на ошибку», сейчас «вольное братство», прежде чем что-то отрезать, семь раз по семь раз измерит. А все почему? Квартир служивым не выделяют, зарплату платят... ну, в общем-то, это зарплатой назвать нельзя – подаяние платят мизерное, на Канары, как в Штатах, не отпускают. Они от этого звереют, яко волки в голодный сезон, и начинают рвать то, что раньше сроду не пользовали, – «зелень», «берлоги» медвежьи, да «Мальборо» курить. Не все, конечно. Есть среди них и непригодные для стаи. Это – худшая из категорий. С теми не договоришься. Залезла эта нечисть в милицию, прокуратуру, суды, и если первые жизнь усложняют, то эти ее просто отравляют. Бьются насмерть и со своими, и с чужими. А как жить пацанам в эпицентре этой революции? Вот и приходится шарфы «Шинника» на шеи мотать да орать невпопад на стадионе.

Да, тяжело так жить. Плюс к этому беспределу – пострелять не дают. Найти – не найдут, но сколько крови выпьют?!

Но хуже всего, конечно, это эти, честные. С ними скоро вообще диггерами стать придется или в клетке с бегемотом, под водой, дела делать. Присасываются как пиявки – не оторвешь. И сосут, сосут... Ладно бы бабки сосали! Так они годы сосут из пацанской жизни! Чего далеко ходить? Есть тут один такой... Судья он. Ладно бы – мировой. Сидел бы с молотком в руке да со всей жестокостью бракоразводные процессы вел. Ну, или за долги бы кого загружал. Так назначила его какая-то... Назначил его *федеральным* кто-то же... Был бы бабой – «Зинкой-червонцем» бы кликали. Но мужик он. Антон Палыч Струге. Хотя меньше «червонца» тоже мало кому дает. Среди братвы идея ходит – купить Уголовный кодекс да выслать ему почтой. Чтобы почитал его маленько да с ужасом для себя обнаружил, что, кроме десяти лет «строгого», есть сроки и поменьше. Ладно уж, про «условные» промолчим. Нет, ну мыслимое ли это дело – за полкило «белого» на троих тридцать шесть лет выписать?! Или, еще пример, за полтинник баксов и три сожженных утюгом пупа пятерым пацанам пятьдесят и дал. Только – лет. Беспредел.

Пробовали Струге на бабе «запоганить» – такое даже в столице прокатывает – не получается. Хоть и холостой, а все равно ничего не выходит. Грешным делом подумали – «масти попутали», может, ему чего другого нужно, да «мальчика» ему «подложили»... Про это лучше не вспоминать. Не знали, куда ныкаться. Проинковали потом – есть у него баба! Не понятно ничего...

Две «тонны» долларов в конверте пробовали в стол подкинуть – трое из братвы упеклось. У них в одном углу видекамера «тарилась», а у него – в другом, только раньше поставленная. ФСБ влетела как торнадо да троих курьеров слотошила, как фраеров. До сих пор им приходится передачи по пятницам носить в ИТК. Короче, полный бардак...

(Магнитофонная запись выступления вора в законе Слепого (А.К. Слепцов, 1958 г.р.) на сходке в г.Тернове, 12.03.01 г. Спецархив УФСБ по Терновской обл.)

У областного театра музыкальной комедии припарковались несколько автомобилей. Ничего примечательного в первых двух не было – две светлые (в темноте определенный цвет не просматривался) «девятки» и чуть темней, скорее всего – серый, «Паджеро». Люди вышли из машин и сгруппировались немного левее от входа, в стороне. Они отошли, чтобы не мешать тем, кто пришел сюда не разговаривать у входа, а на театральное представление. В Музкомедии давали «Сильву»...

– Ну, бродяги, что делать будем? – улыбнулся тот, что вышел из джипа. Выжидая, он переводил взгляд с лица одного из подъехавших на лица других. – Что хмурые как с перепоя?

Один из парней покрутил на пальце ключи и вздохнул:

– Ты, Пастор, не улыбайся. Смешного мало. В городе полный беспредел. Ты в курсе, что твой «держатель» мусорам весь общак сдал?

Тот, кого называли Пастором, побледнел так, что изменился в лице.

– Как... сдал?

– Что, не смешно больше? – криво сощурился парень. – А вот так, сдал, и все!

– Сам, что ли?! – Пастор не мог прийти в себя.

– Почему – сам? – вмешался в разговор еще один пассажир «Жигулей». – На даче его РУБОП схавал, вместе со шлюхами, двенадцатью «АКМами» в подвале да всем общаком. Всем! А какая разница – сам или не сам?! Если тебе доверили казну держать, то нет разницы, как ты ее прое...л!!! Хоть инопланетяне тебя обнесли!

– РУБОП расформировали, – выигрывая время и быстро ориентируясь, заметил Пастор.

Один из стоящих напротив дернул веком и чуть повел плечом. Все знали, что это может означать. Если Фермер начинает подергиваться в легких конвульсиях, значит, лучше отойти подальше, сохраняя здоровье и жизнь. Многочисленные сотрясения мозга в боях на профессиональном ринге наложили на мотивацию поведения Ферментьева особый отпечаток. Если

бы он сейчас был хоть чуть-чуть пьян, то стоящим рядом вообще лучше было бы разбежаться, бросив машины. После бутылки пива он превращался в «универсального солдата» и начинал калечить всех, кого видел перед собой. Поэтому пил он мало, зная свои «проблемы». Сейчас он был абсолютно трезв, но даже коллеги по разговору чуть шатнулись назад. В любой момент мог последовать удар. Мастер спорта международного класса по боксу, Ферментьев бил, не рассчитывая силы.

– Это для тебя, придурок, его расформировали... – Он шагнул к Пастору, после чего тот обмяк и присел на капот. – Отвались от моей машины, мудака! Какая разница, кто общак взял? Я спрашиваю – какая разница? Если бы это был не РУБОП, а ФБР, ты бы что, тоже не поверил? Слушай, браваый парубок, ты что думаешь, мне очень нравится ездить на этой сраной «девятке» и держать «шестисотый» в гараже? Почему мы таримся, как партизаны, чтобы лишний раз перед ментами не отсвечивать, а ты на «Паджеро» рассекаешь? Моднее меня? Где восемьсот «тонн» «зеленых»?!

Пастор, понимая, что сегодняшний день – самый спокойный из последующих, поднял голову.

– Ты за базаром следи. И масти не путай. Я тебе не фраер. Узнаю и разберусь.

– Ты узнаешь?! Ты хер в штанах разыскать не можешь! В мусарне общак, понял! Узнает он... И в чем ты разберешься? На какие цели в ментовке наши бабки пошли?! Ну, купят они пять-шесть квартир для особо нуждающихся в высотках улучшенной планировки, а остальные деньги на что пойдут?! Сука! Этими нашими бабками они нас же давить и будут! Не понял? Вот сука тупая... – Фермер в ярости сплюнул под ноги. – Патронов они на них закупят!!!

Еще мгновение – и рука Пастора дернулась бы к поясу, на котором висела тяжелая «беретта». Даже зная «безбашенность» Фермера, которую ему воры прощали за верность воровскому делу, Пастор за такие слова, обращенные к себе, имел полное право пристрелить равного прямо сейчас. И на любой сходке он был бы оправдан. Вор не имеет права оскорблять вора ни при каких обстоятельствах. Решение может вынести только сходняк.

– Короче, Пастор, – жестко сказал парень с ключами. – Твой держатель сейчас на киче, поэтому отвечать, естественно, будешь ты! Впрочем, ты бы и так отвечал. Тебе неделя, чтобы вернуть восемьсот тысяч. Плюс двести – за испуг. Итого – через неделю, если ты не родишь «лимон» «зеленых», то... Ты знаешь, что тебе за это будет. Твой держатель в СИЗО будет жить столько же, сколько будешь жить на воле ты.

– Один черт замочите... – пробормотал Пастор и поднял тяжелый взгляд. – Только пугать не надо. И ты, Фермер, не шухерись – я на твою заморышнюю «девятку» ссать от страха не собираюсь. Я за все отвечу.

Фермер шагнул к нему, но парень с ключами смело остановил его движение. Пастора парень знал так же хорошо, как и Фермера. Сейчас очень просто, под бессмертное «Помнишь ли ты, как улыбалось нам счастье...», могла произойти либо драка, либо пальба. И в том и в другом случае на месте остались бы лежать трупы.

– Не трогай. Если сейчас его покалечишь, потом права не будем иметь что-то спрашивать с него. Через неделю будет видно.

Пастор отошел в сторону, пропуская отъезжающие «Жигули» – такие же нервные, как и их хозяева, и медленно подошел к джипу. Он знал, что утрата общака никогда не прощается. Такой проступок карался только смертью. Если его «держатель» Сом был уже обречен, то у него самого оставался хоть и ничтожный, но шанс. Вернуть общак за неделю...

Миллион долларов...

Пастору год назад на сходке воров в законе уже давали пощечину. Бил его по щеке такой же, как и он сам, вор по решению сходняка. В «органах» такая пощечина называется «предупреждение о неполном служебном соответствии». Следующим наказанием в тех же «органах» будет увольнение по «нехорошей статье». Из воров «уволиться» можно только одним путем...

«Опускать» Пастора, конечно, не будут. Во-первых, тут не зона, а во-вторых, негоже, чтобы пронеслась весть о том, что один из воров за проступки «опущен». Дело не в снисхождении к Пастору, а в поддержании авторитета таких же, как он сам, воров. Забьют палками, как собаку, и все.

Пастор посмотрел на часы. Нужно было что-то делать. Через семь дней, ровно в девятнадцать часов двадцать минут ему нужно будет либо возместить утерянное с лихвой, либо готовиться к смерти. У ребят тоже часы есть. Мысли о том, чтобы бежать, у Пастора не возникало. Найдут везде. Даже под развалинами Манхэттена. И, потом, не в этом дело. Он все-таки *вор...*

Пастор еще около часа сидел в джипе перед входом в театр, совершенно ни о чем не думая. О чем сейчас можно было думать? Ни о чем. Сейчас нужно было прийти в себя. Наконец он глубоко вздохнул, вспомнив о сигаретах, закурил и тронулся с места...

Часть первая Жестокие таланты

Глава 1

Витя Соха, когда узнал, что на даче Сомы милиция «подлюмила» общак, чуть не скончался от потрясения. В тот момент, когда он уже приготовился у себя в квартире встать под душ, прозвенел телефонный звонок. Витя изменил направление движения и с полотенцем через плечо подошел к телефону.

– Витенька, – ласково пропела лежащая на кровати чернокожая девица со спутанными волосами баклажанного цвета, – закажи еще шампанского и клубники. Скажи, чтобы свежую привезли, а не как ночью...

«Пошла ты...» – просипел про себя Соха и поднял трубку.

– Слушаю!

– Не-ка, – непонятно начал разговор Пастор. – Это я тебя слушаю. Где Сом?

– А я почему знаю? – растерянно пробормотал Витя. – Сегодня в пять вечера как расстались, так я его больше и не видел.

– Вы, конечно, на даче Сомы расстались? – пытал Пастор, но Сохе это не показалось удивительным. Босс имел право пытаться любого из подчиненных, кого сочтет нужным. На то он и «глава семейства».

– Да, Пастор. Я от него в пять вечера уехал.

– Ну, ладно, пока. Сам узнаю. – В трубке раздались короткие гудки.

«Чего это он под вечер забегал?» – хмыкнул Соха и направился в ванную.

– Ви-ить, – уже плаксиво запищала негритянка, – ну, я проси-ила же!..

– Да будет тебе малина, будет! – После сеанса сексотерапии вся ласка бандита испарилась и на ее место пришли мысли о том, как бы побыстрее избавиться от надоедливой девки.

– Не малина, а клубника! – обиженно возразила та.

– И клубника будет. Все тебе сейчас будет...

Дойти до ванной снова помешал звонок. Теперь уже – в дверь. Между звонками был пятисекундный промежуток времени.

– Еп их!.. – разозлился Соха. – Я помоюсь сегодня или нет?!

Он подошел к двери и нервно защелкал замками. Прийти мог только свой – охрана в вестибюле высотного дома была информирована, как устройство «свой—чужой» на зенитном комплексе. «Сбить» она могла только чужого. Поэтому и не спросил Соха – «кто?». Просто открыл дверь.

Перед ним стоял Пастор, сжимая в правой руке сотовый телефон. Он был левша, и это многих подводило.

– Странно, правда? – спокойно спросил Пастор и без размаха, поставленным ударом в лоб внес Соху в коридор.

Тот, сшибая подставку с вазой «под искусство Китая X века», распластался на полу и еще несколько метров шлифовал спиной паркет. Когда грохот осколков стих, стоящий над ним Пастор не исчез. Это было не видение. Все было реально: ноющая боль в голове, сквозняк из приоткрытой входной двери. Но, самое главное, реальной была фигура Пастора, облаченная в кожаную куртку с застывшими на ней каплями дождя.

– Ты чего?! – взревел от возмущения Соха, глядя, как босс закрывает дверь.

– Вить! – раздалось из спальни. – Это клубнику принесли?

– Ты чего это, Пастор?! – повторил, не вставая, бандит. Вставание в данном случае означало вызов, а значит, очередной удар в голову. – Под «марафетом», что ли?!

– Сейчас и будем выяснять, кто «марафетится» чересчур часто, – объявил тот и прошел в спальню. – Пошла отсю... Ох! Е-мое!.. А ну-ка, пошла на х... отсюда! Быстро!

Девушка вскочила и судорожными движениями, не сводя глаз с мужика, стала собирать разбросанные по всей комнате предметы туалета. Несмотря на то что бюстгальтер висел на кресле, а платье лежало на шифоньере, она управилась за несколько секунд и выскочила из комнаты. Увидев поднимающегося с пола кавалера, она тоненько взвизгнула и с охапкой одежды в руках выскочила из квартиры. Клубники в октябре уже не бывает. Она уже отошла...

– Садись, ебать-террорист, – приказал Пастор Сохе и хлопнул по кровати напротив себя. – Спецоперация войск Северного Альянса по тебе плачет. Разговоры разговаривать будем.

Витя запахнул полы халата и осторожно, словно находился не в своей квартире, а в кабинете Пастора, сел на краешек широкой постели. Задавать вопросы шефу сейчас не стоило. Голова гудела, как колодец, в который ухнул филин. Босс не спеша закурил и выпустил дым снизу вверх, целясь в люстру.

– Вот дура, – заметил он, глядя на полоску ажурной материи, свисавшую с одного из рожков. – Труссы забыла. Ну, куда она теперь без них? На улице прохладно для стриптиза. Соха, ты чего это так баб раздеваешь, словно капусту под голубцы разделяешь? А?

Тот молчал, прокручивая в голове свои возможные «косяки». Пастор просто так поднимать руку на своих людей ни за что не станет, поэтому случай можно назвать исключительным. Значит, произошло нечто, из-за чего испорчена жизнь Пастора. А значит, испортится и его, Виктора Сохина. В голову не приходило ничего, что могло бы вызвать гнев «главы», за исключением маленького эпизода. На даче они с Сомом – смотрящим за воровским общаком, немного побаловались героином. Пастор строго пресекал употребление наркотиков, поэтому, возможно, был сейчас так зол. Однако было непонятно, как он мог об этом узнать, если до сих пор еще не видел Сому?

– Ты знаешь, Витя, где сейчас находится Сом? – во второй раз за последние две минуты спросил Пастор.

– Я же тебе сказал – мы расстались в пять часов. Где он сейчас – понятия не имею.

– Тогда я тебе скажу. Сом сейчас сидит в изоляторе временного содержания «за» операми из РУБОПа.

У Сохи от ужаса уши отъехали назад, как у немецкой овчарки, и почти совсем скрылись за головой.

– За что?.. – прошептал он не своим голосом.

– Голым на коне по площади Ленина проскакал. – Пастор высмотрел пепельницу на прикроватной тумбочке, потянул ее к себе и вдруг взорвался: – За общак наш! За двенадцать «стволов», что там хранились! Сейчас все это у ментов!!!

Соха встал и на слабеющих ногах прошел к бару. Вынув бутылку водки, раскрутил ее «штопором» и приложился к ней, как пионер – к горну. Слив в себя около половины, он оторвался и прошипел:

– Может, ошибка?..

– Нет, Витя, не ошибка. Мне сейчас Тимур с Фермером «стрелу» забили, на ней все и поведали. Быстрее меня, бля, все узнается! Что за ерунда такая?! Я через своих в ИВС проверил – все точно! Сидит Сом! Сидит, бля! «Марафетом» мазались?! – Поняв, что «мазались», Пастор окончательно пришел в ярость. – Твою мать, «нарки» позорные! Я сколько раз говорил, чтобы не смели к этой пакости прикасаться?! Что сейчас получается?! Сейчас получается то, что держатель общака сидит напротив оперов в глубоком кумаре! Что он им там наплести может по «голубой воде», а?! Наркуша, отвечай!!!

Соха стоял с бутылкой в руке. После водки голова у него начала проясняться, и в нее стали проникать осмысленные понятия. Чем глубже они проникали, тем яснее он понимал кошмар происходящего. *Он с Сомом сидит на даче, трахает девок, нюхает героин и уезжает. После этого на дачу Сом врывается РУБОП, выгребает общак, оружие и закрывает смотрящего, находящегося в состоянии наркотического опьянения.* Сам собой встает вопрос – каков процент вероятности того, что приезд и отъезд с дачи Сохи и последующие события никак не связаны между собой? Это у философов есть такое понятие – оказаться в ненужное время не в том месте. Представители среды, в которой вращался Виктор Сохин, использовали постулаты другой философии. В ней не было ничего, что роднило бы ее с доизмом, марксизмом-ленинизмом или утопизмом. В обществе, в котором жил и не трудился Соха – подчиненный вора в законе Пастора, одним из главных принципов был такой: если мусора кого-то «слотошили» сразу после твоего ухода, то ты – сука. Принцип презумпции невиновности тут не является основополагающим. Тут – наоборот. Если не хочешь помереть позорной смертью – докажи свою невиновность. Соха, лихорадочно путаясь в мыслях, искал такие подтверждения и... не находил. С Сомом они кутили вдвоем. Да и какой Сом «свидетель» по этому делу?! Он сейчас первый, кто в хате точит зуб на Соху.

За этими размышлениями его застал совершенно спокойный голос Пастора:

– Говорил мне старый вор – никогда никому не прокладывай дорогу и никогда никому не верь. Помнишь, Соха, как я тебя уберег в зоне под Новосибирском, в Горном? Что бы с тобой тогда стало, если бы меня не отправили туда смотрящим? Ты бы сейчас, в лучшем случае, по квартирам «шустрил», а в худшем – посадили бы тебя на перо еще там... – Пастор устало раздавил окурочек в пепельнице и поставил ее на тумбочку. – И что ты теперь вытворяешь? Это, как я понимаю, в благодарность мне, да?

– Пастор!..

– Заткнись ты... – так же устало перебил его вор. – А ты помнишь мой позор, когда на сходняке мне «леща» вломили? Помнишь?! Я этого никогда не забуду, до самой смерти! А за что?! За то, что я перед мусорами «очко пронес»? Нет! За то, что из общака филки «крысил»? Нет! Из-за меня кто-то из братвы за «колючку» «угрелся»? Нет! Так за что же мне, вору, горя хлебнуть пришлось, а?! За Сому! За связь его с чурками в Питере! А кто, собственно говоря, вообще, Сом? Гена Сомов, с которым до того, как я его под себя взял, и разговаривать-то никто не хотел! Фук! А ведь он передо мной на коленях стоял, клялся в верности. Вот я и поверил – парень с «марафетом» завязал, счет деньгам ведет, честь мою блюдет. Год, сука, протянул! Год всего! Расслабился после Омского СИЗО... Ты знаешь, Соха, что будет, если к двадцать первому октября, к семи двадцати вечера я не верну в общак миллион «гринов»?! П...ц будет! Полный! Но не одному мне, поверь. И тебе эта дача аукнется, и всем остальным, с кем Сом «баяном» на ней игрался. Про Сому я вообще молчу! Его задница сейчас находится в состоянии полураспада! Дай бог ему эту неделю прожить да не продырявленным из ИВСа в СИЗО попасть. А не то пойдет его попа по рукам! Если уже не пошла... – Пастор плюнул в сердцах в кадку под пальмой. – Живешь тут, бля, как папуас... Негров «харишь», под пальмами спишь. Может, ты уже джаз на саксе лабаешь да мячи в корзину мечешь? Сука, сослать тебя, в натуре, в Эфиопию куда-нибудь... В экзотик-тур, с тремя баксами в кармане. Чтобы ты через три моря баттерфляем обратно плыл. Тогда, бл...и, узнаете, как кусок хлеба достается да что такое по е...су на сходняке получать!

Соха, услышав «узнаете» во множественном числе, немного воспрял духом. Значит, босс считает его невиновным в захвате РУБОПом общака! Это уже хорошо. Значит, Пастор скоро «отойдет» и с ним можно будет спокойно начать решение вопроса по возврату денег. Он обнадеживающе промышчал:

– Мы вернем деньги, Пастор...

– Дурак ты! – рявкнул вор.

Деньги Пастор, может, и найдет, а что Сом операм петть будет за «стволы» да за общак?! Менты сейчас празднуют такой пир, какой не снился. Еще бы – экономически подломили воровское сообщество! Да еще автоматов две телеги! Да смотрящий в камере! Сом думает, что они на этом успокоятся? Обрадовался, идиот! Они сейчас начнут и себя, и братву наизнанку выворачивать! Изъять воровской общак! Такое у них раз в несколько лет происходит. Речь идет не об общаках в десять тысяч... Если сейчас братва кишки не выпустит, то милиция доблестная это точно сделает. Теперь понял, Соха?

– Пастор, ну, не впервой же... Выкрутимся.

– Оптимист! – усмехнулся, обнажая золотую коронку, вор. – Мне теперь поровну, что будет! Понял? Мне бабки нужно найти да братве вернуть! А потом... – Вор махнул рукой. – Потом со мной пусть или они, или мусора разбираются! Смерти не боюсь, мне позор страшен! Ты понял это?! Я вор, Соха! Ты понял, мать твою?! Я – вор в законе! И если я общак не верну, я сам себе кишки выпущу! За то, что людей подвел и таких, как вы, к себе приблизил.

– Мы найдем бабки, Пастор, – твердо заявил Соха.

Тот посмотрел на небритое, помятое лицо подчиненного и вдруг рассмеялся.

– Крутизна, бля... Смотреть на тебя страшно! Страшно и больно. А общак... – Он хитро улыбнулся и снова стал вынимать из пачки «Мальборо» сигарету. – А общак я обязательно верну. Потому что, если я его не верну к двадцать первому числу, то я сначала тебя пристрелю, потом Сома в хате по моей просьбе удавят, а уж потом я сам застрелюсь. Это тебе перспектива и стимул на ближайшие семь дней. Оптимист... Это хорошо, что ты так оптимистично настроен...

В это же самое время в одной из квартир города происходила другая встреча. От первой она отличалась тем, что была менее эмоциональна и вопросы на ней решались более конструктивно. Помимо Тимура и Фермера, в ней участвовали еще двое приезжих – Марат Салех из Кузбасса и Миша Горец из Алтая. Само по себе присутствие двух последних означало то, что событие на даче Сома вылезло за пределы города, как пук конских волос из боксерской перчатки. Такую рану нужно было срочно штопать, а уж что делать с самой перчаткой потом – будет видно. Известие о том, что Пастор «спустил» общак, пройдет на федеральном уровне спустя несколько часов, а пока эти четверо сидели и обсуждали возможные пути решения проблемы. Само по себе исчезновение из «кассы» восьмисот тысяч долларов – не бог весть какая потеря, если рассмотреть проблему оптимистически. Сложность ситуации заключалась в другом. За решеткой, в руках оперативников, в данный момент находился человек, заведующий всей бухгалтерией, а равно и всеми делами клана. Несмотря на то что Сому именно сходка доверила общак, именно у сходки сейчас и возникало сомнение в том, что тот будет молчать, как одноименная ему рыба. Сома короновали год назад, в Омском центре, и короновали его не кто иной, как Юрист и Посох. Ставить под сомнение правильность их решения никто не собирался по той простой причине, что это не принято и чревато. И Юрист, и Посох были признанными авторитетами в криминальном мире, и уж если они решили «крестить» Сома в Омске, значит, у них имелись на то веские основания. Именно тогда Пастор и выступил как инициатор передачи общаковских дел Сому. Этому мгновенно воспротивились Тимур и Фермер, у которых были свои интересы на сей счет и которые знали, что Сом хоть и коронован, но всегда останется человеком Пастора, потому что именно Пастор спас его от неминуемой смерти в зоне под Салехардом много лет назад. Таким образом, если Сом становился смотрящим за общаком, то Пастор автоматически приобретал вес и поднимался и над Тимуром, и над Фермером. Но случилось то, что случилось, хотя и не случайно. И вот теперь, год спустя, произошло то, чего так долго втайне желали Фермер и Тимур – Пастор «попал». Причем «попал» так четко и намертво, что первые двое об этом не могли даже мечтать.

Первый ход Тимур и Фермер сделали гениально. В Питере, через подставных лиц, они вышли на самых банальных кидал из закавказской республики. Азербайджанцы занимались

мошенничеством в Москве – «покупали» товары народного потребления в крупных фирмах, представляясь руководителями международной миротворческой миссии «Помощь чеченскому народу». Получив товар, они исчезали. Все бы ничего, да только за подобную предпринимательскую деятельность нужно вносить взнос в общак. То ли азербайджанцы не знали об этом (впоследствии, просидев семь суток в подвале дома Сабдура Бакинского, сознались, что знали), то ли решили и рыбу съесть, и кости сдать (там же выяснилось, что это так), только отдали они азербайджанскому сообществу все непосильным трудом заработанные денежные средства и к великой своей радости умчались «обезжиривать» следующий мегаполис, коим и стал город на Неве. Там они проработали еще меньше. Фермер с Тимуром выкупили их у питерской братвы за небольшую сумму, под обязательство азербайджанцев «немного честно поработать». «Поработать» им пришлось всего один раз, после чего их след на территории Российской Федерации навсегда был утерян как родными, так и близкими. Зато Сом подъехал с предложениями к Пастору: есть возможность увеличить фонды за счет небольшой сделки с оловом.

– Какая-то фирма в Питере купила олово, а сейчас не может за него рассчитаться. Продает за бесценок, а у меня есть канал, как направить олово в Прибалтику. Там о-оче-ень хоро-ошо за не-его пла-а-атят.

– Работай, – согласился Пастор, в обязанности которого также входило пополнение общака.

И Сом сработал... Он бы, уже потом, конечно, из-под земли достал этих азербайджанцев, да только под землей их не было. Они были под водой. Если точнее, то под водами. Под водами Балтийского залива, с двухпудовыми атлетическими гирями, привязанными к ногам. Естественно, найти их там никто не смог, и деньги в «кассу» не вернулись. Именно за это тогда Пастор и получил на сходняке пощечину. Доказать, что он «взял» у своих, никто не смог, но и он не смог объяснить толком, где деньги.

Это была первая победа Фермера и Тимура, слегка пошатнувшая положение Пастора. Но о том, что может случиться то, что случилось на даче у Сома, они не надеялись даже в своих самых сокровенных мыслях. Самое интересное заключалось в том, что даже им было непонятно, как они будут делить власть, случись то, чего они добивались, – падение Пастора. Фермер об этом не задумывался по причине многочисленных сотрясений – он просто ненавидел Пастора, и смотреть вдаль он не мог – мешала природная тупость. Он жил одним днем, одним ударом. Тимур же все прекрасно понимал, и Ферментьев ему был в последующем не преграда. Пара совместных пьянок и своевременный уход с них. Воры чтут уважение своих законов, но когда оно начинает перемешиваться с беспределом – они долго не думают.

Для второго и последнего удара воры пригласили на встречу двух авторитетов из Кузбасса и Алтая. Будет потом на кого сослаться. Пусть сходняк видит – не власти ради, а для пользы воровского дела Фермер с Тимуром ополчились против Пастора. В любом случае – будет кому потом замолвить за них словцо. И в выборе собеседников Тимур также не прогадал. И Салех, и Миша Горец были не самыми лучшими друзьями Пастора. Не раз на сходках он тыкал их носом за «отклонение от линии партии» и личный интерес. Если вор объявит другого вора «крысой» и не сможет этого доказать, то «объявленный» имеет полное право решить его жизнь. Это же относилось и к другим претензиям. Но Пастор делал это так, что было непонятно – «предъявляет» он или спрашивает. Умея быть мобильным, умный от природы и заматеревший в жизненных драках, Пастор отличался от всех неповторимым интеллектом и умением быть спокойным и собранным. Понятно, что это очень не нравилось тем, кого природа не одарила подобными качествами.

Салех и Горец откликнулись сразу и уже через два часа были в городе. Звонок Тимура застал их в ресторане соседнего поселка, куда ездили авторитеты на встречу с местными властями. В поселок прибыл радушный оратор из Государственной думы со своей плановой поездкой, а не воспользоваться такой возможностью для встречи с «местной» братвой, для выра-

ботки тактики, Салех и Горец не могли. Их поездка прошла успешно, и они сидели в ресторане в качестве гостей. Дело близилось к девичьему «субботнику», когда их предвкушения перебил звонок Тимура.

– Дела, – как в апельсиновой рекламе, произнесли коллеги уже готовым ко всему местным проституткам, натянули брюки и помчались с охраной в город, где правил «серым генералом» вор по прозвищу Пастор.

– Дальше уже некуда, – молвил Тимур. – Сначала эта мур с Питером, сейчас вообще – атас! Общак прое...л! Скоро он весь город мусорам просрет, а потом и нас им сдаст. За такие дела можем и мы «прицепом» пойти. Лично мне оплеухи получать от братвы невмоготу. Он творит, что хочет – Сома *своего* расслабил до того, что тот каждый день, как ни вызвони его, обкумаренный до талого...

Это было, конечно, не так, но кто теперь Пастору верить будет, когда смотрящий за решкой, а общака – нет...

– Все «стволы» ушли, – добавил, сжимая кулаки, Фермер. – Нам осталось свои белые трусы снять, на палку их нацепить и, помахивая, к мусорам в плен идти. Нет, а что я, не прав? Общака – нет, «стволов» – нет, осталось только, чтобы молодые отморозки пришли и *нас с Тимуром* на «счетчик» поставили! А к этому все и идет! От ментов покоя нет, братва в зонах голодает, суки администраторские их там на ножи ставят! Мы чем пацанов в колониях «греть» будем? Сколько адвокаты стоят? В кассе – ноль! «Черные» в город заявятся – отбиться, бля, нечем будет!

Тимур поморщился. *Нельзя давить слезу за свою беспомощность! Им сейчас не помощь материальная нужна, а моральная поддержка! Какого хера эта бестолочь жалуется, как сука кобелю?! Какой ты вор, если с беспределом на своей же территории совладать не можешь? Эх, мудила контуженный!..*

По тому как Салех и Горец недовольно поморщились, было видно, что Тимур прочитал их мысли. Фермер же воспринял это как поддержку своих слов.

– Банки стали жопу морщить – мол, мы с Пастором базарим, а с вами не будем! Это что за дела?!

Это было уже слишком. Едва Фермер открыл рот, чтобы огласить еще один пункт своей тупости и беспомощности, Тимур его прервал на полуслове:

– Братва, мы вот зачем вас отзвонили... Дело не в том, что здесь происходит. Со всеми делами справиться легко, если, конечно, речь не идет о переселении душ. Дело в том, почему это происходит. Пастор подобрал под себя общак, и не всем нравится, как он управляется с бизнесом.

– Пастор самолично управляет общаком? – удивленно вскинул брови Салех.

– Нет, но ты сам можешь убедиться в том, что происходит, когда все скапливается в одних руках, – ответил Тимур, намекая на происшествие на даче.

– А почему на сходняках вы молчали, как рыба об лед? – вклинился в разговор Горец. – Там все равны. И раньше вы вроде тоже в колокола не били? Странно, что вы подняли эту тему только тогда, когда пропал общак и Пастор попал в «жир ногами».

Все замолчали. Тимур был доволен разговором. Главное, что он преследовал, вызывая воров, была передача информации о положении дел в городе. Теперь, если с Пастором *что-нибудь случится*, будет оправдание. Хотя Тимур знал, что «устранение» вора без согласия всех – мероприятие, чреватое последствиями. За такую самостоятельность могут самому «лоб зеленкой намазать». Его сейчас мало интересовало – вернет Пастор общак или нет. Пусть даже вернет. Ему уже не вернуть основного – прошлого. А с таким настоящим, в котором сейчас пребывал Пастор, ему «ловить» нечего. «Все прошло, как с белых яблонь дым...»

Воры еще около двух часов сидели, поднимая всевозможные темы – от подбора под себя расширяющегося пассажирского бизнеса маршрутных такси до обмена информацией о делах

российско-воровских. Около двух часов ночи они сказали друг другу «не прощаемся», забыв пожать друг другу руки – привычка, выработанная годами, и разъехались по своим насиженным местам.

Уже на площадке Салех обернулся и сказал напоследок Тимуру:

– Только... Не советую в течение этой недели делать что-то, о чем потом придется пожалеть.

Тимур понял его, Фермер – нет. Пришлось потом объяснить.

Глава 2

Антон Павлович Струге был молодым – по судейским, да и по общечеловеческим меркам тоже – судьей. Два месяца назад, в августе ему исполнилось тридцать шесть лет. Его судьба, как и судьба многих судей, складывалась непросто. В двадцать пять он окончил юридический институт, работал следователем в транспортной прокуратуре. Занимался расследованием уголовных дел, совершенных на вокзалах и всех транспортных развязках города и области. Через два года ушел, оставив, впрочем, о себе хорошее мнение, устроился юрисконсультom на завод. Еще через год завод развалился, брошенный на растерзание арбитражному управляющему, и перешел в руки сомнительных «товарищей». Этим «товарищам» Антон Струге был далеко не товарищ, поэтому, поняв политику нового руководства, ушел и оттуда. Он не искал судьбу, но и не бежал от нее. В девяносто третьем, разойдясь с женой, переехал в однокомнатную квартиру в центре города, небольшую, но уютную, и вновь устроился в прокуратуру. Его взяли сразу и без излишних, выматывающих душу собеседований то с «этим начальником», то с «тем», словно ждали его возвращения и наконец-то дождались. Следователя Антона Струге знали очень хорошо, поэтому буквально через год на него «свалилась» новая должность – «важ-няк». Старший следователь транспортной прокуратуры по особо важным делам. Целый год он «разматывал» тяжелые, рутинные и многоэпизодные уголовные дела. Через его руки в течение этого срока прошли дела довольно масштабных, по количеству участников, преступных групп и все то, что попадает в Уголовном кодексе под определение «особо опасных преступлений». За первых два года работы и за последний ни одно из дел Струге не вернулось из суда на дополнительное расследование. Природная хватка и проницательный ум «следака» раскатывали заматерелых преступников без участия оперативных работников. Даже если убийца шел в суд «за полным отказом», составу суда, рассматривающему дело, не представляло никаких трудностей выносить заслуженный приговор. Антон привык доводить все дела до конца, поэтому формировал такую мощную доказательную базу, что фраза «Ваша Честь, я не виновен» в монологе последнего слова подсудимого не играла для суда никакого значения. Он был обречен. Однако такое положение вещей вовсе не означало, что Антон Струге ловко и умело подтасовывал факты, извращая события. Адвокаты говорили – не дай бог уголовному делу попасть для производства следствия к этому следователю. В чем-то они были правы. Но так говорили только те, кто был прекрасно осведомлен о характере вины своих подзащитных. Те же, чьи «клиенты» были невиновны, молили об обратном – дай бог, чтобы дело прокурор «отписал» Струге. И эти и те были абсолютно правы, потому что знали – если человек невиновен, Струге докажет это, расследовав дело. Но, если *corpus delicti* усматривается, то дело закончится судом, последним словом и приговором. Не тем, о котором просили адвокатов родственники подсудимого. Истинным. Потому как, если усматривается состав преступления, то так и должно быть.

Его пугали, его пытались «купить», его пытались подставить. Этот кетч в навозной жиже лишь закалил Антона, выработав в нем иммунитет к подлой человеческой хитрости. А в девяносто пятом, неожиданно для всех, он сдал экзамены на судью. Многие предчувствовали это, ибо в любом государственном учреждении невозможно сделать ничего личного, чтобы об этом не узнали или хотя бы не догадывались коллеги. Экзамены сдал достойно, без проблем, так как теперь четко и окончательно понял свое предназначение в жизни – отправлять правосудие, как того требует закон. Не будучи зависимым от воли начальников, круга знакомств тех, в отношении которых он вершит это самое правосудие. Он был назначен федеральным судьей районного суда общей юрисдикции и, по вполне понятным причинам, был «поставлен» на «уголовные дела». Зачем бывшему прокурорскому работнику с прекрасными рекомендациями заниматься жилищными проблемами граждан или установлением отцовства?

Целых три года, будучи наделенным полномочиями судьи на этот срок, он рассматривал весь спектр уголовных дел – кражи, грабежи, разбои, хулиганство. После «тяжких» дел в прокуратуре ему было легко, и он быстро увлекся работой. Злопыхатели, наблюдая за тем, как растет число рассмотренных дел Струге вместе с его авторитетом, посмеивались, будучи уверенными в том, что поговорка «широко шагать – штаны порвать» приемлема абсолютно ко всем. Штаны Антон не порвал, напротив, укрепилась его уверенность в том, что он на своем месте. Все было за эти три года – взлеты, падения, ошибки и удачи, но ни разу он не смог обвинить себя за это время в том, что исковеркал чью-то судьбу.

Уйдя из прокуратуры еще молодым, он свято веровал в то, что, приобретя независимость, он избежит того самого кетча в жиге низких человеческих проявлений. Но только здесь, в суде, он понял, что самая настоящая жига – на том месте, где он работает сейчас. Только она гораздо вязче, отвратительней, и очень часто случается так, что попытке выбраться из нее помогает лишь случай. Именно в залах судебных заседаний может произойти то, от чего нормального человека со среднестатистической психикой может взять оторопь или хватить удар.

Если верить словам классика, то на каждого человека давит атмосферный столб весом в двести четырнадцать килограммов. Антон уже через год работы понял – не на каждого. На него он давит весом гораздо большим. К весу этого столба примешивается груз ответственности за судьбу каждого человека, на которого как раз и давят те самые двести четырнадцать килограммов. А сколько он уже перенес этого груза от своего стола под государственным гербом до совещательной комнаты и обратно... Этот столб был тяжелее во столько крат, сколько человек находились перед ним за решеткой, когда он, стоя, читал приговор. И бывали мгновения, что, казалось – все... Но он усилием воли, по старой привычке, сжимал зубы и доводил дело до конца. Доводил, чтобы через секунду взять в руки очередное дело, с очередной человеческой судьбой.

Он только здесь, будучи судьей, узнал, как легко опорочить честного человека, если только иметь соответствующее желание. Для этого достаточно всего лишь одного подонка. Или – группы подонков. Первый раз «под него» уже через два месяца после начала работы взяли деньги два адвоката, понадеявшись на его молодость, соответственно – неопытность. Он тогда очень удивился, почему взрослые люди, мэтры со стажем, так часто заходят к нему и дают советы, просят обращаться за помощью и мимоходом уговаривают свести приговор к оправдательному двум хулиганам, почти до полусмерти забившим прохожего. Когда понял, объявил им вслух время приема и попросил приходить исключительно в эти часы. Глядя в слащавые, пахнущие дорогим одеколоном лица, добавил:

– И еще бы я попросил не оказывать на меня, судью, давления. Приговор, как известно, оглашается в судебном заседании, сразу после того, как состав суда покинет совещательную комнату. А меня лично не надо ни о чем просить, не надо...

Успокоиться бы адвокатам – взрослые ведь люди! Чего стоило взглянуть в глаза молодого судьи и прочесть в них спокойную сталь. Нет, не успокоились... Антона едва не хватил удар, когда на следующий день после приговора к нему в кабинет пришла мать одного из осужденных и, заливаясь слезами, пристыдила:

– Антон Павлович, как же так!.. Ведь договорились с вами по-человечески! Столько денег заплачено!..

– Объясните... – Антон на самом деле ничего не понимал.

– Что вам объяснить?! – почти закричала женщина. – Мы люди небогатые, я в столовой поваром работаю, отец – водителем автобуса! Мы гараж продали, машину продали, заняли эти проклятые сто пятьдесят миллионов, а вы что наделали? Деньги берете, а людей – в тюрьму, да?! – И она зарыдала.

Два месяца работы в суде, в твердой уверенности в чистоте помыслов людей, которые участвуют в процессе, или же просто – коллег, настолько притупили его чувство самосохра-

нения «важняка», что его осенило лишь сейчас. Только по молодости он не мог понять, что это – «подстава», тут так принято, или же просто произошло недоразумение. Глядя на рыдающую женщину, он, как в компьютере, искал в голове тот самый единственный вопрос, который разрешит его мучения. Если ошибиться и задать не тот, женщина может замкнуться, и тогда неизвестно, как развернутся события. А ему, по сути дела – ценку, потом будет невозможно продрасть сквозь строй зубров. Антон призвал на помощь весь свой опыт грамотного «следака» и, наливая в стакан воды, наконец сказал:

– А мне адвокаты не все деньги передали. Вот так. Чего же вы хотите?

Это был риск, который мог стоить ему работы. Может, все бы и образовалось впоследствии, но, заляпавшись в суде грязью однажды, даже если этой грязи не было вовсе, потом не отмоешься никогда, даже если и мыться нет необходимости. Коллеги, может, и поймут, а граждане? Слухи распространяются в геометрической прогрессии, поэтому уже через пару месяцев граждане будут разговаривать друг с другом на обслуживаемой им территории и говорить о том, что «судье Струге деньги давать бесполезно не потому, что он их не берет, а потому, что *он их берет, а людей «садит»*». Это он сейчас понимал, проработав в суде уже шесть лет, а тогда пошел на риск. И выиграл.

– Как не отдавали?.. – опешила женщина.

– Вот вы лично сколько адвокатам дали, чтобы они мне передали?

– Сто пятьдесят миллионов... – Она из-за истерики ничего не понимала, и это было хорошо.

– Понятно. А родственники другого осужденного?

– Столько же.

– Хотите деньги получить обратно? Вот лист бумаги, пишите все как было. – Он поднял трубку телефона и набрал номер председателя суда...

Если бы он стал оправдываться в тот момент перед женщиной, кричать и возмущаться, все было бы очень и очень неприглядно. Если не впоследствии, то хотя бы в тот момент. Но даже тот момент был дорог Антону Струге. Но больше всего его сразила реакция председателя. Женщина, с двадцатилетним судейским стажем, выслушав Струге, рассмеялась и спросила:

– Антон Павлович, а вы разве не знаете, что все вокруг говорят, что мы «берем»? Вот и до вас очередь дошла. Грубейте шкуркой, Антон Павлович, будет еще и не такое...

Тем не менее Антон написал заявление в прокуратуру и приложил к нему объяснение женщины. Суд принял историческое решение. И не было никаких протестов со стороны прокурора, надзирающего за процессом. Адвокатов, теперь уже бывших, приговорили к одному году лишения свободы условно, с отсрочкой приговора на один год. За это же самое любого другого «приземлили» бы лет на семь-восемь без всяких отсрочек. Эти люди спасли свою свободу ценой карманного леденца с прилипшими к нему табачными крошками, поэтому победа Антона, которая досталась ему едва ли не ценой нервного срыва, осталась за кадром. Для окружающих. И тогда он последовал совету председателя. К нему вновь вернулось повышенное чувство самосохранения, он стал судьей, каким он и должен быть – беспристрастным, не реагирующим на сантименты и чужую боль. Закон един для всех, поэтому он превыше всего.

В его кабинете появилось едва видимое око встроенной в угол шкафа видеокмеры, он забирал ключи у секретаря – молоденькой девушки – в конце рабочего дня и выдавал рано утром. Как и в прокуратуре, где у него однажды «случайно потерялось», а потом «нашлось» развалившееся в суде уголовное дело, он стал вставлять в дверцу сейфа спичку, а оставляя секретаря одну, незаметно бросал на стопку уголовных дел, лежащих на столе, пару табачных крошек. Если кто-то будет рыться в делах без его ведома – вряд ли следопыт обратит внимание на важность лежащих сверху стопки незаметных крошек табака и, переворачивая лист, обязательно сметет их. Антон превратился в натянутый нерв, не позволяя себе расслабиться

на работе ни на минуту. Он отходил душой и телом лишь дома, закончив бумажную работу, которую не успел сделать в рабочие часы.

Через три года он был утвержден на должность судьи на неограниченный срок. Так велит закон. Хотя для того, чтобы понять – ты чертовски плохой судья, – достаточно и полугода. Столько же нужно, чтобы стать лучшим. Но так велит закон, а он превыше всего.

И сразу же после коллегии Антон Павлович Струге был брошен председателем суда – теперь уже молодым, перспективным и уверенным в себе председателем, почти ровесником Антона – на новый фронт работ. Теперь Антон Струге рассматривал дела, которые по категории сложности стояли на первом месте. Если применимо такое сравнение, то Струге стал «важняком» в суде. Все возвратилось на круги своя, и в этом вихревом потоке пролетели три года...

Выходные пролетели, как обеденный перерыв. Желая как следует отоспаться, он дал себе слово встать не раньше десяти. То есть, проснувшись, еще около двух часов лежать в кровати и слушать мерный стук дождя по подоконнику. Для этого он выключил будильник и даже поменял время подъема на таймере телевизора. Синоптики обещали с утра дождь, поэтому – никаких телевизионных передач. Только дождь. Антон любил его слушать, да и кто не любит этим заниматься, особенно когда он не стучит по твоему зонту, засыпая снизу по пояс водой, а... А слушать его, лежа в нагретой постели, не думая ни о чем.

Но, как и все на свете собранные и дисциплинированные люди, которым свойственно обязательно что-нибудь забывать, особенно когда не сосредотачиваешься именно на этом, Антон забыл отключить телефон. Проснувшись в половине восьмого, он действительно слушал дробь по подоконнику, но это продолжалось лишь полчаса. Всего каких-то жалких тридцать минут ему было выделено на то, чтобы, стараясь не думать о процессе в понедельник, забыться в самом себе.

Звонок.

Струге готов был убить самого себя.

Это был, конечно, Вадим Пашенко. У Антона совершенно вылетело из головы, что новый прокурор транспортной прокуратуры, бывший сокурсник по юридическому, уболтал его выехать с его компанией в лес, на шашлыки. У Пашенко сегодня дата – тридцать пять. Точнее сказать, дата была вчера, но вчера была пятница, а в пятницу какая может быть дата? Так, официальные поздравления на работе, картина неизвестного автора со станции метро «Красный проспект», завернутая в серебристую бумагу, пара здравниц, три торта. Вот и вся дата. Разве это – дата? Дата начнется сегодня, и, судя по телефонной трели, она уже началась. Антон забыл выдернуть из розетки телефонную вилку, но когда после звонка чертыхнулся, то, как все на свете собранные и дисциплинированные люди, постарался сразу исправить, найти этому обоснованное объяснение. Может, дата Пашенко обойдется без него?

Антон в наказание самому себе поднял трубку.

– Ваша Честь, вы готовы совершить увлекательнейшую поездку в Десятое королевство, где много эльфов, гигантские деревья-бобы и вкуснейшая свинина, нанизанная на палочки и прожаренная на медленном огне?

– Пашенко, у меня слюни уже смыли рисунок с простыни. А что это за подъем – как в казарме? Первый раз слышу, что день рождения празднуется с восьми утра.

– Антон, нужно до места доехать, палаточку поставить...

– Ах, да... – поморщился Струге. – Дождь. И это не остановит компанию троллей?

– Не только троллей, но и волшебных золушек.

– Вот только не нужно меня женить, а?! – окончательно отряхнулся от неги Антон. – Твои мелочные и беспонтовые попытки устроить мою по-настоящему беспонтовую жизнь ста-

новятся уже смешными и выглядят навязчиво даже для окружающих! Завязывай дурь гнать, иначе никуда не поеду.

– Завязал, – тут же отреагировал Вадим. – Короче так, судья. За тобой прибудет машина через сорок минут. К этому времени быть выбритым и одетым в форму одежды под Клинта Иствуда. Мы едем в лес. Струге, рюкзак, веревку, ледоруб и запас продуктов на трое суток убедительнейше прошу не брать.

– Пошел ты... – Антон положил трубку на рычаги, улыбнулся и объявил в федеральный розыск прикроватные тапочки.

Если Пашенко назвал цифру «сорок» и это относилось не к рублям, а к минутам, то на самом деле у Антона гораздо меньше времени. Пашенко гнал по жизни, боясь опоздать на все события, происходящие в мире. Вместе с тем Вадим был одним из лучших «важняков» города, поэтому приказ о его назначении транспортным прокурором долго «динамили». Уж очень не хотелось, чтобы из крепости лучших «важняков» города выпадала одна из самых лучших, а может, и самая лучшая, крепкая, надежная стена – следователь Вадим Пашенко.

С Антоном они познакомились еще в юридическом и с тех пор не теряли друг друга. Хотя слово «теряли» больше подходит к тем, кому периодически чего-то нужно друг от друга. Вадим же дружил с Антоном исключительно из соображений того, что если ты пошел на дружбу и называешь себя мужиком, то ты не «кони» и принимай меня таким, каков я есть. И если ты не ходишь со мной на футбол, а я тебе не могу помочь в трудную минуту, то какой ты мне, к дьяволу, друг? Или – наоборот... Его никогда и ничто не могло остановить. Никакие форс-мажорные обстоятельства были не в силах помешать Пашенко воплотить задуманное им в жизнь. Это относилось в равной степени как к работе, так и к увлечениям.

Антон едва успел выпить после душа чашку кофе, одеться, посмотреть на часы, чтобы убедиться – до приезда Пашенко есть еще пять минут по системе «сорок минус десять», как раздался звонок в дверь.

Антон шагнул к видеодомофону, нажал на кнопку и едва не рассмеялся – прямо перед объективом красовалось выпуклое до безобразия лицо районного прокурора.

– Ну давай, открывай, хватит зубы скалить, – усмехаясь, произнес в объектив Вадим.

– Товарищ, вы кто? Что с вашим лицом? Решились прямо из улья медку хлебнуть?

Спускаясь по лестнице и пользуясь временем, насколько это могли позволить шесть этажей, Пашенко инструктировал Струге:

– Две машины. Трое мужиков – с тобой. Три женщины. – Увидев укоряющий взгляд друга, прокурор поспешил добавить: – Никаких планов. Просто моя знакомая решила захватить свою подругу. Та никогда в жизни не была в лесу на шашлыках.

– А почему она всех не захватила, кто не был в лесу на шашлыках? И поехали бы поездом.

– Антон, не будь занудой. Трое мужчин и двое женщин – это просто кастрированная, бесперспективная компания. Это я свою попросил...

Антон удовлетворенно хмыкнул. Ну, еще бы...

Суд Антона и прокуратура Вадима находились в разных районах города, они никак не могли зависеть друг от друга по служебной линии, когда дело касалось рассмотрения уголовных дел. Это позволяло им обоим относительно спокойно смотреть на свои внеслужебные отношения, хотя оба они были достаточно взрослыми и умными людьми для того, чтобы понимать – где находится стадион, где – райсуд, а где – прокуратура. У них было много общего – так принято говорить о тех, кто давно и бескорыстно предан друг другу. Ни у Вадима, ни у Антона не сложилось с личной жизнью в плане домашнего очага со скупающей по мужу супругой, не было детей, на которых можно было тратить средства и любовь. Они оба были предоставлены сами себе – частично, и своей работе – в основном.

– А кто третий-то?

Вадим догадался, что Рубикон перейден, и, преодолевая последних два пролета, заспешил:

– Антон, да ты всех знаешь! Сашка Пермяков – «важняк» из моей прокуратуры. Мы же вместе в институте учились! Забыл? А девчонки все – тоже из нашей группы.

Струге остановился и ошарашенно посмотрел на собеседника:

– Сегодня что – утро школьных друзей?

– Ну, ты же сам знаешь – пересуды, разговоры, кто увидит – потом греха не оберешься. Начальство репу морщить начнет. А уж если твой «новый» увидит? А? А так не докопаешься – встреча сокурсников.

– Ай да жулик! – восхитился Антон.

Постсоветская система внесла новые требования в организацию межличностного общения людей. Государство не очень верит в честность своих служащих, поэтому всегда предсудительно рассматривает их внеслужебные отношения. Наполеон сказал: «Государство – это я». Ловко. Но и мы не лаптем щи хлебаем. Какое правительство, такое и государство. Если правители сомневаются в честности своих подданных, значит, они вполне обоснованно считают возможным тот факт, что любой служащий не прочь залезть своей ложкой в чужую тарелку с кашей. Очевидно, методика и порядок погружения ложки в кашу правителям известны лучше. Лучше самих служащих. Отсюда и подозрения.

Как Пашенко сумел собрать всех воедино – известно одному Пашенко...

Глава 3

Когда Пастор приказал Сохе «собирать дюжину «своих» вооруженных ребят», тот помертвел. Ему было совершенно ясно, что Пастор сошел с ума, если решил брать штурмом банк. Понятно, что времени, отведенного братвой на возврат общака, становится все меньше и меньше, но нельзя же впадать в такие крайности? Можно, в конце концов, договориться с президентом того же банка «Аспект». Чудный малый. Объяснить ему, что деньги нужны для оказания помощи США в поимке ублюдка Бен Ладена. Мол, всемирное братское сообщество решило включиться в борьбу с беспределом – то есть терроризмом. Мол, как только злюка-исламист будет отловлен братвой и за него будет получен со Штатов гонорар в пять «арбузов» баксов плюс проценты за риск и расходы на перелет Воркута – Исламабад (далее – пешком, поэтому – плюс расходы на верблюдов), так бабки сразу вернутся в банк с процентами. На худой конец можно было «опустить» до разорения пару-тройку турфирм. Оправдание всегда найдется. Но чтобы идти на банк штурмом? Соха собирал людей и чувствовал, как с ладоней на землю капает пот.

Но когда он узнал, что именно будут брать штурмом Пастор, он, Соха, и дюжина «своих» ребят, он чуть не потерял сознание. Воры – они тоже люди, и им свойственны, как и другим, и обмороки, и оргазмы. Вечером субботнего дня Пастор решил... отбивать из охраняемой машины РУБОПа отобранный накануне общак.

– Ну... что же, – просипел Соха, обдумывая, какая роль уделена ему в этом мероприятии. – Кха... Дело хорошее. Перспективное, главное. Стопроцентное. Если не согласятся по хорошему отдать – будем пугать. Если что – еще можно будет и ихний СОБР на «счетчик» поставить...

– Заткнись, – спокойно перебил Пастор. – Мой человек сообщил, что сегодня вечером деньги из РУБОПа под охраной повезут в муниципальный банк. Бронированный «Форд» – и все. Они решили не «отсвечивать». Охраны будет пять человек из СОБРа плюс водитель и опер. Деньги повезут в девять вечера, чтобы не было подозрений. Банки в это время уже не работают, поэтому они тихо отгрузятся и уедут. В банке останется один СОБР. А сам банк, как обычно, возьмут «на пульт» вневедомственной охраны.

– Пастор, подожди, – взмолился Соха. – Но ведь есть еще много мест, где нет СОБРа, «сигналки», банка. Вымутим потихоньку миллион «зеленых» у кого-нибудь да вернем в общак. Ну, на хера на эшафот идти?!

– Ты не понял, – жестко ответил, словно отрезал вор, и Соха увидел, как в его глазах блеснул стальной огонь.

Ему нужны *эти* деньги. Именно *эти*. И никакие другие. Он сделает то же, что сделали они. Совать рыло в воровской общак не положено никому, даже ментам. Общак – это святое. Во всяком случае – для Пастора.

Соха сглотнул слюну и неожиданно для самого себя выдавил:

– Если что, там можно будет еще чем-нибудь похарчеваться...

– Не «если», а – «нужно». Или ты можешь к тем восьмистам тоннам из кармана вытащить да добавить еще двести тысяч? А вообще молодец! – похвалил, усмехаясь, Пастор. – Сообразительный.

– Пастор... – немного подумав, промолвил Соха. – А ведь ты – вор...

– За общак и кровь можно на себя взять, – мгновенно ответил стоявший к нему спиной босс. – Ты лучше думай, как нам в банк попасть до закрытия. Я не собираюсь ночью «взятие Бастилии» устраивать. И длительная осада мне тоже как-то не подходит.

– А зачем попу гармонь?

Пастор, который до этого стоял, опершись на подоконник, и смотрел в окно, развернулся и озабоченно посмотрел на подчиненного.

– Что, заменевался так, что «шифер посыпался»?

– Да я не «гоню», Сергей.

Пастор, которого Соха назвал по имени во второй раз за пять лет, удивленно достал сигарету и сел в кресло.

– Зачем нам кровь? Зачем нам пацаны с «волынами»? Ты ведь вправдашний вор, а не понтовый. Тебе, босс, положено квалификацию поддерживать. – Соха взял трубку радиотелефона. – Я звоню Бедуину, чтобы тот братве «отбой» дал?

Что-то новое, живое, мелькнувшее в загоревшихся глазах Сохи, заставило вора кивнуть головой. Пока его «правая рука» названивал и говорил что-то про «короче, погода нелетная, сидите, в натуре, под зонтиками и бейте сопли о паркет», он вспомнил того, еще молодого Сохина, с которым познакомился пять лет назад...

Поселок Горный в Новосибирской области славен тем, что там размещается колония строгого режима для лиц, осужденных за тяжкие преступления. Контингент, как и колония, там особый. Он делится на тех, кто получил довольно внушительный срок впервые, и тех, кому зона – дом родной. За четыре с половиной месяца до появления в ней Виктора Сохина смотрящим за этой колонией был «командирован», по решению воров, Сергей Овчаров по прозвищу Пастор. Ему оставалось отбывать наказание в колонии под Салехардом всего два года, но вследствие беспорядков, вызванных постоянными стычками воров и «сук», колонию стали тасовать. На этапе, в Новосибирском центре, несколько воров, узнав о маршруте вора в закон Пастора, раскинули мозгами, и с легкой руки давшей «добро» воли Пастор направлялся в Горный уже как смотрящий. В большей степени он был обязан этим «назначением» старому вору по прозвищу Степной. Никто не знал ни места рождения Степного, ни его истинного года рождения, ни его корней. В документах Управления исправления наказаний стояли даты, фамилии и события, берущие начало не с момента рождения Степного, а с начала его воровской жизни.

Получилось так, что свою первую «ходку» за «тайное хищение государственного имущества в крупных размерах» Овчарову пришлось отбывать в одном из воркутинских лагерей в далеком восемьдесят четвертом году. Неизвестно, как бы сложилась судьба двадцатилетнего парня, если бы его не взял под свое «крыло» смотрящий за порядком в зоне Степной. Именно Степной, а не школа дали молодому человеку первые серьезные уроки жизни. Там же и получил Овчаров прозвище Пастор – за свою справедливость и образованность. Пастор отбывал наказание, что называется, «до звонка», а Степной в очередной, он сам уже не помнил точно – в какой, раз освободился в восемьдесят восьмом, за год до освобождения Овчарова. Еще через год Пастор по решению районного суда г. Красноярска был приговорен к трем годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима. Этой колонией оказалась колония под Красноярском. Именно там за свою непримиримость к политике администрации, недюжинные способности и острый ум Пастор заработал свой авторитет лидера.

Выйдя на свободу, по решению сходняка, инициатором сбора которого был Степной и вор по кличке Вова Талый, Пастор и был «коронован». Произошло это в декабре девяносто третьего года. Говорят, воров долго не живут. Это так. Но некоторым либо просто везет, либо они достаточно умны для того, чтобы умирать в «Мерседесе» от взрыва тротиловой шашки под сиденьем. Как бы то ни было, на «строгач» в Горном Пастор въезжал уже смотрящим.

Режим строгий – контингент «конченный» – беспредел. Неверный ход мыслей. Как правило, к отбытию наказания на строгий режим приговариваются лица, не раз отбывавшие наказания, а также судимые за совершение тяжких преступлений. Именно на строгом, как правило, порядок и справедливость. И этот порядок в большинстве случаев держится не на админи-

страции колонии, а на авторитете того, кто поставлен за этим порядком смотреть. Этот человек всегда находится внутри территории, на сленге тех, кого охраняют, и тех, кто охраняет, – «в зоне». Это человек, который отбывает там наказание. Это самый авторитетный человек. Он здесь истинный судья, прокурор и следователь. Около восьмидесяти процентов преступлений, совершаемых внутри колонии, являются преступностью латентной, неопознанной. Они не регистрируются администрацией вследствие отсутствия потерпевшего и подозреваемого. Но ни одно из них не пройдет мимо суда смотрящего. Он не просто судья. Он здесь – бог...

В девяносто шестом году, в середине апреля, к Пастору, лежащему на кровати и читающему книгу, подошел один из контролеров и сообщил:

– «Баклана» к нам везут. Сохин некто. Устроил дебош в новосибирском СИЗО.

Пастор, который информацию подобного характера имел всегда на сутки, а то и на неделю раньше сотрудников колонии, бросил окурочек в банку из-под кофе, к которой тут же подскочил один из сидевших неподалеку, и перевернул страницу.

– Пусть едет парень. А вашим «быкам» тюремным за их беспредел нужно было не нос сломать да руку вывернуть, а «ранетки» с плеч посшибать. Негоже пацана порядочного к петухам в хату пытаться заталкивать. А про «баклана» ты не совсем точно сказал. «Хулиганка» у него по первой ходке была. А сейчас он не как «баклан» прибывает, а как разбойник. Этапом, кстати, из Твери, чтоб ты знал.

Сигарета была потушена эком, «пепельница» снова сияла чистотой. Контролер проследил, как зэк бесшумно поставил ее, подождал, пока тот снова сядет на свое место – через четыре кровати от смотрящего, и продолжил разговор:

– Но срок, похоже, ему все равно наматывают. За сопротивление сотрудникам изолятора.

– Иди, старина, иди, служи... – Пастор улыбнулся и вернулся к книге.

«Некоего Сохина» конвой доставил, как и положено, после обеда. Помня о его «подвигах» в СИЗО города Новосибирска, конвоиры на всякий случай отходили его палками. Делалось это незаметно как для административных работников колонии, так и для зэков. Потому что это называется – *самый настоящий беспредел*. Отходили Сохина хорошо, но он молча сжимал зубы и терпел боль. Пастор решил вопрос так, чтобы Соху – такое погоняло носил парень – поселили поближе к нему.

Первые две недели Пастор, казалось, не выказывал к Сохе никакого интереса. Казалось, тот вообще его не интересовал. Тянет ляжку зэк – и тянет. На самом деле это было далеко не так. Пастор контролировал через своих приближенных каждый его шаг: о чем разговаривает, с кем общается, интересы и отношения с администрацией. Через две недели, убедившись в том, что парень не идет ни на какие компромиссы с администрацией колонии, не приближается к среде зоновского «шлака» – так называют в колониях опущенных и деморализованных зэков, Пастор решил действовать. Двое его людей завязали в бараке драку. Вскоре к ним присоединились несколько человек. Постепенно очаг столкновения передвигался к тому месту, где находился Соха. Пастор, не заходя внутрь, стоял, оставаясь незамеченный всеми, и наблюдал за ним, исподлобья ловя каждый его взгляд, каждое движение. Вскоре свалка стала напоминать побоище, кто-то крикнул:

– Крыша съехала? Пастор рядом! Не гневите, братва!..

Соха сидел молча на кровати, словно не замечая того, как рядом с ним рассекают воздух руки и ноги.

– А ты что сидишь?! – взревел один из людей Пастора, на секунду отвлекаясь от потасовки. – Помочь не хочешь?!

– Это не мое дело, – спокойно бросил Соха и полез в тумбочку за сигаретами.

– Ах, не твое?! – изумился зэк. – Может, ты – «ссученный», а, голубь?!

Пастор с удовлетворением наблюдал, как вновь прибывший в зону зэк встал и из всех сил ударил обидчика по лицу. Тот, переворачивая тумбочку, отлетел в угол и снова вскочил

на ноги. В его глазах сверкнул задорный огонек, и «посланец» Пастора налетел на Соху, как тигр. Их силы были явно неравны – человек смотрящего был тяжелее килограммов на двадцать и совершенно очевидно отличался от соперника умением «работать» в замкнутом пространстве...

Пастор еще минуту созерцал, как Соха падает, встает, идет на противника, снова падает, снова встает... Сделав шаг в помещение в окружении своей охраны, Овчаров спокойно произнес:

– Стоять.

Драка моментально утихла, словно ее и не было. О том, что здесь еще секунду назад шел настоящий рукопашный бой, говорили лишь капли крови на полу и лицах заключенных да беспорядок в помещении. Соха, поднимаясь с пола, утирал рукавом «клифта» кровь, ручьем льющуюся из носа и рассеченной брови. Он казался совершенно спокоен, лишь прерывистое дыхание говорило о том, что его организму нанесен довольно значительный ущерб.

– По какому такому случаю кровь плещется? – Пастор вынул из кармана неизменные в любых ситуациях «Мальборо» и закурил. – Эй, бродяга, не рано ли решил права качать?

Последний вопрос был адресован Сохе. Было видно, что ответ тому дается с трудом. Когда он убрал от лица руку – не гоже стоять перед вором и при нем вытирать сопли, как младенец, – стало видно, что вдобавок ко всему у него еще рассечена губа. Соха невозмутимо ответил:

– Моя честь при мне, Пастор. А чужого мне не нужно.

Овчаров хмыкнул и повернулся к охране:

– Пусть идет в лазарет. Вечером чтобы был у меня.

А вечером состоялся тот разговор, после которого Соха все оставшиеся пять лет «тянул» при Пасторе. Люди Пастора заставили Соху скинуть робу, вынули все из карманов и в одной майке и брюках подвели к вору.

– Садись. Почему в драку сразу не полез, когда тебя просили?

– Это не мое дело, – ответил осторожно, но спокойно, присаживаясь на стул у кровати Овчарова, Соха и записал в свой актив первый плюс – никто не вправе вмешиваться в драку, когда кто-то выясняет между собой отношения.

– А почему полез?

– Потому что это стало моим делом. – И Сохин записал второй. Ни в коем случае нельзя никому прощать обиды, даже если уверен, что при ответном ударе можешь потерять жизнь.

Пастор подумал.

– Возьми сигарету.

Соха заколебался. Пачка лежала на тумбочке, но...

– Бери, бери, – ободрил его Пастор.

Никто не вправе прикасаться к вещи вора. Можно что-то взять, если вор сам тебе дает из рук.

Соха сидел и не двигался.

Овчаров выждал некоторое время, потом резко наклонился вперед, вытянул из пачки сигарету и протянул эку. Тот сразу взял ее и, получив разрешение прикурить, вспомнил, что спички у него забрали вместе с курткой. Не прикурить он не мог – *ему сказали прикурить.*

– Спичек нет? – удивился Пастор. – Корень!

Сидящий неподалеку эк тут же бросил в сторону Сохи спичечный коробок. Тот на лету поймал его, полностью раздвинул, проверил содержимое коробка, убедился, что ничего, кроме спичек, в нем нет, закурил и бросил коробок хозяину.

Для любого нормального человека, не сведущего в порядках и правилах поведения заключенного в зоне, стал бы удивителен тот факт, что тот, кому дали спички, сначала проверил содержимое коробка, а потом уже прикурил. Для тех же, кто живет тюремной жизнью, эта

манипуляция Сохи могла вызвать только уважение. Так на зоне могут просто ни за что человека превратить в отребье. Если бы сейчас Соха, как и всякий обычный курильщик, вытянул спичку, не заглядывая в коробок, то Корень, подавший ему спички и получивший их обратно, тут же предъявил бы Сохе пропажу ста рублей, что лежали у него в коробке. И уже ничто не спасло бы Соху. Все, кто сидел в этот момент рядом, заявили бы, что не обращали внимания, что именно Соха вытаскивал из коробка. Его простым действием загнали бы в долг, а когда подошел бы срок расплаты и он не смог его вернуть, его тут же объявили бы «фуфлыжником». С этого момента с Сохой каждый, кто находился в зоне, имел право делать все, что сочтет нужным. С этого момента он стал бы изгоем. Зоновские правила просты, но жестоки. И не стоит попадать в зону человеку, который с ними незнаком. С ним может произойти все, что угодно...

С той поры прошло пять лет. Соха, освободившийся через три месяца после Пастора, разыскал его в Тернове, и вот уже целых пять лет Соха находился при Овчарове, будучи его верным помощником. За весь этот срок он ни разу не подвел своего босса и понимал, что случай на даче вряд ли отвратит Пастора от него. Совершенно очевидно, что Соха не имеет никакого отношения к отбору милицией воровского общака. Его вина лишь в том, что в тот день он находился у Сома.

Пастор также понимал, что если бы даже Сохи там не было, то вряд ли это могло остановить РУБОП. Дачу смотрящего вывернули наизнанку не по причине недавнего нахождения там Сохи, а по четкой информации со стороны.

– Кто же эта сука?

– Что, Пастор? – спросил Соха, укладывая радиотелефон в гнездо базы. – Что ты сказал?

– Ничего. А теперь выкладывай, что ты там после полбутылки водяры у себя в голове намутил. Соха, ты сейчас с моего согласия дал отбой братве. Если ты будешь молотить шнягу, то я тебя самолично прибую гвоздями-двухсотками к дверям банка. Сейчас восьмой час. Деньги в банк привезут в девять. Пока кассир, который там останется после закрытия, пересчитает их, примет, будет десять. Часа ему хватит, чтобы переслюнявить на счетной машинке восемьдесят пачек. А потом нужно действовать. Рассказывай...

Устало Пастор откинулся в кресле, сцепил пальцы рук и пронзительным взглядом уставился на Соху. Тот хорошо помнил этот взгляд еще с зоны в Горном. За пять лет этот взгляд не изменился.

– Пастор, ты сказал, что банк заканчивает работу в пять. Так?

– Верно, – прищурился тот и заметил, как в глазах Сохи заиграл бесовский огонек. Этот огонек вор тоже хорошо помнил. С этим огоньком зарождались все практически беспроектные авантюры.

– Какой сегодня день недели, Пастор?

– Суббота. – Вор очень хорошо знал, что сегодня суббота. Эту субботу он запомнит на всю жизнь. Потому что его жизнь остановилась сегодня, именно в субботу. И неизвестно, когда эта, прежняя жизнь снова к нему вернется. Глядя на продолжающего хранить молчание Соху, он внезапно побледнел, и его левое веко с едва заметным тонким шрамом слегка дернулось. – Ах он, сучонок...

– Правильно, Пастор, – удовлетворенно заметил Соха, поняв, что патрон догадался. – В субботу банки не работают. Что тебе еще «пел» «твой» человек из мусарни? О бронированном «Форде» да о пяти человеках охраны? Иди, Пастор, на святое дело – общак отбивать у ментов? Конечно, «бухгалтер» на киче, теперь неплохо было бы еще вора к рукам прибрать. Тогда в колоде будут все тузы.

Пастор понял, что еще бы два часа, каких-то жалких сто двадцать минут – и его участь была бы решена. Вряд ли опера стали бы его брать живым. Он им не нужен живой. А после его

смерти ментам будет легче «разговорить» всех из его команды. Всех, конечно, не разговорят, один Сом чего стоит, но все дело рухнет. Это – точно.

Придавливая в себе благодарность к Сохе, Пастор, уже более мягко, спросил:

– Так что там по твоему плану?

– Ничего.

– Что значит – ничего?! – изумился Пастор. – А план?!

– Никакого плана, – коротко ответил Соха. – Мне тебя остановить нужно было.

– Ах ты, щучий сын... Ну, молодец, остановил. Спасибо тебе за это. Только легче мне от этого не стало. – Пастор задумался.

Семь бед, один... Пусть звонит Бедуину. Да пошлет кого-нибудь побашковитее к банку – там все нужно «проинковать». Может, это и ментовские штучки, но бабки-то им в самом деле нужно куда-то девать! Не будут же они восемьсот тысяч «зеленых» в сейфе у своего следака держать! Им сейчас от денег избавиться нужно. Факт зарегистрирован, бумажки подшиты. Зачем им такая ответственность? А если у кого-нибудь помутнение случится да он на приступ решится? На кой им эта бодяга? Ясно одно: деньги они вывезут. В любом случае. И скорее всего – в тот же самый банк. Только условия игры будут другими.

– Только я не понимаю – зачем «мой» дал такую информацию? Он что, думал, я не знаю, что в субботу банки не работают?

Соха тихонько кашлянул.

– Ну, конечно, конечно, – повысил голос Пастор. – Что-то я мог упустить.

Но если не сейчас, то через полчаса он все равно догадался бы о проколе с выходным днем. На это скорее всего его человек и надеялся. Значит, он «под контролем». Так что повезут они общак в банк, повезут! И будет выглядеть это так – через черный вход чемоданчик выгрузят при президенте или его заместителе, внутрь занесут, а считать ничего не будут. Чтобы взять деньги на баланс, одной счетной машинки мало. Тут схема целая работать должна. А для этого штат банка в девять вечера в субботу никто дергать не станет. Вот поэтому они чемоданчик поставят, выйдут и организуют охрану извне.

– И еще, Соха, знаешь, что?..

– Что?

– Общак уже в банке. Гадом буду. И он там уже давно. А в девять вечера они безболезненно разыграют цирк шапито с подъездом «Форда». Соха, сейчас вокруг банка пятьдесят стрелков сидит на крышах. Отвечаю. А насчет квалификации ты прав. Пора делом заняться. У тебя найдется домкрат и труба длиной метра два?

– В квартире, что ли? – ужаснулся Соха.

– Зачем – в квартире? – Пастор поднялся на ноги. – У тебя гараж подземный. Как у барыги. Там случайно оптовой партии китайского барахла нет? Не приторговываешь часом, а, Соха? Чтобы меня окончательно перед братвой «запалить»? От тебя всего уже можно ожидать...

– Пастор, зачем ты обижаешь меня? Когда я барыгой был? – Соха не на шутку обиделся, хотя и было видно, что он пытается это всячески скрыть – негоже перед вором нервничать. – А в подвале у меня трубы нет. Я же не водопроводчик...

– У тебя нет, а в соседних? В каком-нибудь, да есть.

– Я че, где живу, там и срать буду?

– А ты не сри. На место трубы сотку баксов положишь, и все образуется. Сосед после этого специально гараж закрывать не будет...

Глава 4

Барбекю с костерком, пропитанный озоном воздух и ленивый плеск волн под отвесной невысокой скалой. Что еще нужно, чтобы полностью восстановить силы после недельной «пахоты»? Антон был благодарен Пащенко и даже чувствовал перед ним некоторую неловкость за то, что чуть было не пропустил предложенный уик-энд. Было на самом деле приятно и легко.

Хотя Струге не любил компании и предпочитал пиву и шашлыкам рев на стадионе или легкую пробежку, вечер для него удался на славу. На следующий день всем участникам счастливого вечера на природе нужно было заняться домашними делами, помимо этого, Антон знал, что дома лежит стопка дел по процессам, к которым нужно подготовиться, поэтому палатка так и не дождалась ночных посетителей. Она была свернута мужскими руками и уложена в багажник «Волги». После того, как все расселись, с территории базы медленно выползла «Волга» и следом – «Святогор» Саши Пермякова.

Впечатлений было много, но делиться ими почему-то никто не хотел. В машинах ехали счастливые, отдохнувшие люди, и этого для чувства единения было вполне достаточно.

– Тебя где высадить, старик? – обратился к Антону Пащенко. – До дома или в магазин за чем-нибудь заскочишь?

Антону не хотелось почувствовать резкий контраст между природой и надоевшей квартирой, поэтому он попросил Вадима остановиться в двух кварталах от дома.

– Ого! – удивился прокурор. – Это как бы не совсем рядом.

– А мне рядом и не нужно.

– Как скажешь. – Пащенко резко увел машину с дороги и стал прижиматься к обочине. – Завтра наш «рыбхоз» с «Динамо» играет. Пойдем?

«Рыбхозом» они называли местную футбольную команду «Океан». Она так и называлась – «Океан», хотя ближайший из океанов к городу Тернову был – Индийский.

– Завтра созвонимся. Часов в десять утра.

Попрощавшись со всеми, Антон распахнул дверцу «Волги» и стал выбираться наружу. Седьмым прокурорским чутьем он почувствовал, как ему в карман куртки что-то кладут. «Надеюсь, не наркотики», – это была первая дурацкая мысль, которая пришла в голову бывшему следователю прокуратуры. Усмехнувшись, он захлопнул дверь и еще раз, уже через стекло, помахал всем рукой. Точно такое же движение ему пришлось повторить буквально через мгновение – следом проезжал «Святогор».

Оставшись один посреди темной улицы, Антон потянулся, как у себя на кровати, вдохнул полные легкие воздуха и... поторопился выдохнуть. Контраст на самом деле был потрясающ. После соснового бора вдохнуть полные легкие воздуха, насквозь пропитанного накопившимися за день выхлопными парами, – это было нечто из рекламы водки «Смирнофф» – «почувствуйте разницу». Антон ее почувствовал, но настроения это испортить уже не могло. Засунув руки в карманы, он медленно шел по тротуару, проворачивая в голове воспоминания сегодняшнего дня. Как и бывает в стихийно собранном коллективе, никакого деления на пары – естественное явление, что тут поделаешь! – за один проведенный вместе день быть не могло. Но этого вполне достаточно, чтобы двинуться в этом направлении. Буквально через час, когда на уголья стали укладываться шампур с сочной свининой, замаринованной Вадимом загодя – хитер, ничего не скажешь, – Антон почувствовал на себе ненавязчивое внимание. Не откликнуться на него было просто невозможно.

Она была на четыре года младше Струге по паспорту и на десять – по виду. Глупо сравнивать возраст мужчины и женщины по внешнему виду, но уж если и пролетит какая-то искра между ними, то Антон будет выглядеть на десять лет старше идущей рядом с ним молодой женщины. Вот так будет вернее.

О чем могли успеть поговорить бывшие однокашники, если не о намозоливших язык темах: «Где работаешь?», «Замужем или нет?», «Кого видели из знакомых?» Эти разговоры свойственны всем, кто не виделся десять лет. Если двое их обсудить могут в течение часа, то шестерым для этого понадобится целый день. Так и случилось на этой базе, на берегу озера.

Антон шел, приближаясь к дому, и машинально вертел в ладони прямоугольный кусочек картона.

«Муниципальный банк г. Тернова

Восточное отделение

Евсеева Александра Сергеевна. Юрист»

Телефоны, факсы, телексы...

Все правильно. Она говорила.

Чтобы не потерять, Антон решил не класть карточку обратно в куртку, которую он неизвестно когда теперь наденет, если только не пойдет завтра с Пашенко на футбол. Расстегнув «молнию», он сунул пластик в карман джинсовой рубашки. Она легко вошла даже при застегнутой пуговице.

Восточное отделение муниципального банка было на середине пути от того места, где Антона высадил Вадим, до его дома. «Странно, – думалось Струге, – я живу, а она работает почти в одном месте, а за эти... Сколько лет она работает в банке? Кажется – три. И за три года ни разу не встретились. Судьба-злодейка...» Он снова усмехнулся, продолжая путь. Постепенно воспоминания об отдыхе стали его покидать, и мысли переориентировались на начало недели. В понедельник должен состояться, если адвокаты опять не придумают что-нибудь смешное, вроде «я занята в другом процессе, извините, Антон Павлович», очень сложный процесс. Он тянется уже год благодаря уловкам защиты. Все подсудимые находятся «на подписке», поэтому адвокаты «гонят дуру» – то один подельник «заболеет», то второй. То один адвокат не «может» прийти, то другой. Подсудимым это очень на руку, они на свободе, а, судя по тяжести содеянного, «условным» наказанием они вряд ли отделаются. Это понимают и они, и их защитники. Вероятно, последние взяли это от безнадеги за линию построения защиты и пытаются довести дело до его прекращения.

Но в понедельник они будут все. Вернее, должны быть все. И если так случится, то больше они бегать не будут. Процесс состоится. И последующий – тоже. И следующий. Сколько понадобится еще процессов – подсудимые будут на них обязательно присутствовать. Потому что в Уголовно-процессуальном кодексе, помимо меры пресечения «подписка о невыезде», существуют еще несколько. «Личное поручительство» – даже звучит как-то несостоятельно... «Поручительство общественных организаций»? За подсудимых Артемова и Саитгалина может поручиться только лидер организованной преступной группировки города – Тимур, а это является фактором, усугубляющим желание эту меру не избирать. Что еще остается? Залог? Опять Тимур придет. Антон изберет последнюю, гарантирующую на сто процентов своевременное доставление умственных паралитиков Артемова и Саитгалина меру пресечения. Эта мера и прямо, и криво противоположна «подписке о невыезде». «Содержание под стражей».

Антон позволял себе думать об отдельных подсудимых как о подонках, только оставшись наедине с самим собой – и никак не во время разрешения их судьбы при вынесении приговора. Самое трудное для Струге в момент становления его судьей было отключение личного психологического фактора. Встать на грань, справа от которой факты, а слева – контраргументы, встать и не шататься – вот долг каждого судьи. Отключить чувство личной неприязни, чувство жалости, ненависти, собственной усталости, уговоров, клятв и угроз, выслушать все и всех и лишь после этого шагнуть – вправо или влево. Только закон и преступник, а меж ними – судья. Хвала тому судье, кто это понял. Но никто и никогда не заставит судью, когда он остается наедине с собой, вне суда, отказаться от того, чтобы плюнуть на землю, уже подходя к дому, и выдавить сквозь зубы:

– Тварь!..

И это будет лишним подтверждением того, что он – Судья. Даже если он вынужден был освободить преступника, вина которого ясна как божий день, но не доказана из-за недоработок недоумка-следователя или грамотного адвоката при безграмотном государственном обвинителе. Но спать он будет спокойно, потому что он выполнил свой долг, как того требует закон. Потому что долг его – не *посадить*, а – *рассудить*.

Антон перешел через улицу, пропустив перед собой темно-серый «Паджеро», и легко вскочил на железобетонный брус, обрамлявший тротуар на другой стороне дороги. Пройдя еще около ста метров, он миновал пятиэтажный дом с насквозь проржавевшей вывеской «Продукты» и полуразвалившимся от той же древности плакатом на крыше – «Летайте самолетами Аэрофлота!» и вышел на небольшую площадь. Через пять-семь минут ходьбы покажется его дом. Центр города. Торговые компании, крупные магазины, банки... Непонятно только, по чьему повелению здесь еще стоит этот ортодоксальный первенец хрущевской эпохи – «Летайте самолетами»... А чем еще летать?

Кстати, о банках. Вот он, стоит и обещает вечность – «Восточное отделение муниципального банка». Нужно будет здесь открыть счет и два раза в месяц – в аванс и зарплату – приходить и от нечего делать класть по сотне рублей. А еще по всякому поводу вызывать юриста: «Не согласен я». – «С чем?» – «А со всем! Позовите-ка сюда вашего юриста!» И он, точнее – она, обязательно придет, чтобы выяснить, почему на кассира «наезжает» ничего не сведущий в законах мужчина...

А что это за непонятные движения у банка в столь поздний час, да еще в выходной? Струге посмотрел на часы – без пяти минут девять...

У заднего входа, именуемого по-культурному – запасным, расположился бежевый бронированный «Форд» с зеленой полосой, и по двум сторонам от него, словно конвой при выгрузке заключенных у входа в суд, расположились пятеро или шестеро спецов в камуфлированной форме с автоматами наперевес. Из чрева «Форда» выскочил человек в штатском с кейсом в руке и мгновенно исчез в банке. Дверцы «Форда» захлопнулись, и люди с оружием застыли рядом в положении пассивного ожидания.

Заинтригованный Антон, повинувшись непонятно чему, замедлил шаг и изменил направление движения. Он мог пройти вдоль фасада банка, и так было бы быстрее, но неизвестная сила направила его в сторону броневика – он решил обойти банк с тыла. Но ничего не происходило. Люди стояли у машины, кругом царил тишина. Антон уже почти закончил обходить здание, как вдруг остановился. За оградой соседнего дома, укрывшись за осиротевшими ветвями березы, стоял темно-серый джип «Мицубиси Паджеро». Струге готов был поклясться, что это тот самый джип, который едва не сбил его на перекрестке. Та же блестящая «кенгурина» на решетке радиатора, тот же компакт-диск на веревочке – на зеркале заднего вида. Но не это было то, чем по-настоящему заинтересовался Антон. Предметом его вспыхнувшего интереса были двое мужчин в возрасте, которые выглядывали из-за ограждения дома. На обоих – черные укороченные куртки, черные шапочки. В руке стоящего рядом мужчины виднелась небольшая сумка. Им обоим было около сорока лет. Может, чуть меньше. Они не просто выглядывали, они выглядывали в сторону бронированного «Форда»...

Может быть, на этом и закончилась бы эта история, если бы в этот момент мужчины заметили Антона, а он прошел мимо. Но они не видели его, и он, шагнув в темноту, к изгороди, оказался почти «спина к спине» к этим двоим. Их разделяла только бетонная стена...

Зачем это нужно было *судье*? Что двигало Антоном в этот момент? В нем боролись следователь прокуратуры и судья, и следователь победил? Вряд ли. Антон был слишком хорошим судьей для того, чтобы быть им вне суда. Поэтому в нем не было никакой борьбы. Как не было в нем ни капли судьи. Его *вел* сейчас следователь прокуратуры. «Важняк», человек с острым чувством собственной и, значит, чужой, опасности.

Между тем события развивались.

Простояв неподвижно, как памятник, Струге почувствовал шорох, а затем и голоса с другой стороны стены. О чем говорили неизвестные – догадаться было невозможно. Бу-бу-бу... Бу-бу... Бу-бу-бу... Треснула ветка. Значит, они двинулись с места. Если бы стена была новой, то есть – серой, то светлый костюм Антона в темноте сливался бы с ней, как доллар, повешенный на новогоднюю елку. Но эта стена видела воочию еще приезд в Тернов живого Брежнева, поэтому от старости, копоти и грязи улицы она приобрела землистый оттенок. Чтобы не «отсвечивать», как дыра в стене, Антон медленно присел на корточки. Он уже готов был поклясться в том, что идет элементарная подготовка к совершению преступления – разведка местности двумя неизвестными. Кто они такие и что им нужно? Вот два вопроса, которые на протяжении существования человечества тревожат чувство самосохранения тех, кто видит подозрительных людей.

Прошло еще мгновение, и обе тени вышли из-за укрытия. Антон сориентировал свой взгляд на возможное направление их движения и не увидел впереди ничего, что могло бы заинтересовать внимание потенциальных преступников, если эти двое ими являлись. Ничего, кроме... банка. Это и вызвало у Антона такую растерянность, что он даже привстал. Ветка, больно давившая до этого на пятку, предательски хрюкнула, и неизвестные остановились.

– Что там?

– Наверное, ветка, на которую ты, замороженный, наступил, распрямляется. Если она еще раз хрустнет, я тебе витрину разобью...

– Я-то здесь при чем?..

Струге за свою карьеру прокурорского работника и судьи слышал о том, что банки грабят, один раз даже самому пришлось судить такого деятеля «ножа и топора» за разбой в ювелирном салоне. Но чтобы из банка совершались хищения – это было для него впервой. Сотрудники – да, те воруют с великим удовольствием. Но, черт побери, они же используют для этого компьютеры, а не... двухметровую трубу. Нужно еще учесть тот факт, что в пятидесяти метрах занял оборону взвод автоматчиков. И если еще учесть... Если еще учесть, что один из «разведчиков» несет на плече... трубу, то это просто выходит за рамки понимания. Антон окончательно запутался.

Между тем два странных типа с трубой, выждав момент, одним броском пересекли освещенную дорогу к банку и достигли двери в здание. Она располагалась метрах в тридцати от той, где стояли спецы, и была отделена от их взоров пристройкой, ведущей в подвал.

«Интересно, – думал Антон, – это что, побег из дурдома? Если они сейчас начнут вскрывать дверь в здание, сработает сигналка. Если она сработает, то уже через полминуты их обоих будут жестоко бить этой трубой вдоль спин».

Двое, словно услышав мысли федерального судьи, находящегося во внеслужебное время в засаде у банка, сместились влево и приблизились к двери в подвал. Тот, что был с сумкой, быстро расстегнул «молнию» и достал что-то похожее на женский маникюрный набор.

– Ну, ну... – пробормотал Струге. – Набор отмычек. Двое безмозглых воров-домушников решили стать медвежатниками. А что, ребята, дверь в подвал не на «сигналке», да? Ухо хочешь. Надо валить отсюда, пока не замели за стояние на шухере. А шухер сейчас будет...

Повернувшись, он с изумлением заметил, как тени вместе с трубой утонули в крошечной темноте подвала, а спецы у входа, как ни в чем не бывало, продолжают курить и поправлять на плечах бронежилеты. Струге застыл. По его подсчетам, в банке давно должна работать сирена, а на пульте высветиться квадрат, где произошло проникновение. Судя по всему, не было ни сирены, ни квадрата. А, говоря милицейским языком, нет заявления, значит, нет и преступления. Значит, никто и дергаться не будет.

Интересное кино! Струге усмехнулся, переместился на погреб, чуть поодаль от джипа, и стал наблюдать. Закурив, твердо решил свистнуть спецам, как только двое «водопроводчиков»

появятся на улице. В том, что они в сейф не залезут, это совершенно ясно. Но они обязательно вынесут то, что представляет для них, как и для будущих потерпевших, материальную ценность – компьютер, монитор, да мало ли что... Тут Антон одернул себя – какие компьютеры и мониторы могут быть в подвале? И на кой ляд им эта ржавая труба? А, собственно, это – воры?.. Не хотелось бы облажаться перед милиционерами. Потом разговоров не оберешься: *какой бдительный судья – ночью дежурных водопроводчиков ЖЭУ задержал при помощи СОБРа!*

Он сидел уже около двадцати минут, дав себе слово досмотреть этот шизофренический спектакль до конца. Спецы, устав, привалились к уснувшему на свежем воздухе «Форду», а из банка по-прежнему никто не выходил.

Окурок второй сигареты нарисовал в темноте параболу, ударился о ветку березы и рассыпался на десятки искр. «Отличная конспирация, – похвалил себя Струге. – Впрочем, от кого я тут шифруюсь?»

И тут... его словно ударило током!..

Сигнализация...

Да какая к черту может быть сигнализация, если...

Черт!..

Он догадался слишком поздно. Его мысли сбили те самые «водопроводчики», показавшиеся из двери подвала. В их руках не было больше трубы. На плече одного из них по-прежнему болталась сумка, и они стремглав неслись к джипу...

Нужно было срочно принимать решение.

Антон вышел из темноты на дорогу и громко свистнул собровцам. Те вяло повернулись и, словно головы с острова Пасхи, окаменело уставились на Струге.

– Бегом ко мне! – крикнул Антон, понимая, что это его последний крик. Теперь кричать было уже некогда, потому что неразлучные в ночи «водопроводчики» были в метре от него.

Под первый удар Антон подсесть успел, среагировав в свою очередь локтем – в брюшину парню с сумкой. Тот бежал первым, и на плече у него была сумка, поэтому удар у него не получился. «Встретив» на полном ходу локоть Струге, он глухо выдохнул, словно подавился кашлем, и по инерции полетел к джипу. Сумка, оборвав ремень, улетела за спину Антона.

А вот с ударом второго злодея у Антона случился конфуз. Едва он успел сгруппироваться, как в голове раздался звон, будто ударили в Царь-колокол в тот момент, когда он зашел внутрь его. Следом посыпались искры, и Антон уже не ощущал себя в пространстве. Лишь по боли в пояснице и затылке он понял, что опрокинут навзничь. Пытаясь продраться сквозь множество фиолетовых, малиновых, бирюзовых и алых штор и даже помогая себе руками, Струге никак не мог добраться до момента восприятия действительности...

Как отъезжала, едва не ударив его крылом, машина, как к месту происшествия подбежали собровцы, он не помнил...

Он пытался встать, но локоть съезжал куда-то в сторону, и он плюхался лицом в землю...

Он снова пытался встать и снова падал. В боксе это называется – нокаут. После этого боксеру запрещают месяц работать на ринге, а человеку обычному – вставать с постели.

Глава 5

– Где бабки, сука-а-а?! – орал Пастор.

Соха, забившись в дальний угол на переднем сиденье, вопил:

– Пастор, бля буду, эта падла с плеча сорвала!!! Кха-а! Кххха-а...

– Убью гада!!! – Пастор одной рукой вел на бешеной скорости джип, а второй, правой, что есть силы молотил – куда попадет – Соху. – Убью-ю-у!

Устав, он зарычал, захлебываясь собственным бешенством. Вор был похож на раненого волка.

– Он был у меня в руках! Он был у меня в руках... Общак был у меня...

– Пастор! – заорал Соха, которого внезапно охватила ярость. – Давай вернемся и всех на хер перестреляем!!! – Он выдернул из-за пояса «вальтер». – Давай вернемся и всех сук перестреляем!!! Там наш общак!

Пастор не был бы Пастором, если бы именно в такую минуту его мозг не начал работать, как компьютер. В минуты опасности или неудач в отличие от большинства им овладевало не отчаяние, а трезвый расчет. Он уводил машину подальше от банка, выбирая самые темные дороги. Сейчас было главное – уйти и потеряться. Один раз общак уже побывал в его руках. Значит, будет и во второй. Не все потеряно. Все еще только начинается...

А как все грамотно было задумано!

Основным условием было обязательное присутствие в банке ментов. Они ждут нападения. Несколько человек будут обязательно стоять у входа, ведь у них тоже есть обязательное условие – «отсвечивать», всем своим видом показывая, что общак здесь, раз они стоят и охраняют. Соха даже засмеялся от радости, когда увидел у дверей банка СОБР.

– Смотри, смотри, Пастор! Мусора в цирк играют! Дятлы красноголовые. А внутри, наверное...

– А внутри – батальон внутренних войск с рыболовными сетями, – перебил его Пастор. – Ты уверен, что труба выдержит?

– А куда она денется?

– А куда ты денешься, если она не выдержит? Смотри, я тебя предупреждал – там еще одна была. – Пастор сознательно подводил Соху под «косяк». Если что-то не получится технически и в этом будет виновата длина или прочность трубы – виноват будет Соха. Тот это понимал, но с патроном спорить не будешь.

Только изощренный ум Пастора мог до такого додуматься. Для этого нужно иметь не просто мозги, а очень хорошие мозги. Не обладая никакими специальными техническими навыками, основываясь лишь на бытовом восприятии реальности, можно рассуждать таким образом: раз общак в банке и его вынуждают на налет, значит, весь банк переполнен спецназом. Куда они могут деть деньги? Куда-нибудь в дальнее помещение. В том, что деньги в банке, Пастор не сомневался. Менты так же боятся утечки информации, как и он. Они все ставят на кон. Значит, стоит ли рисковать – не брать с собой деньги? А если кто-нибудь возьмет да «цинканет» Пастору, что общак остался в РУБОПе? В банке деньги, в банке... Они ждут налета, но не кражи. В чем сила банка? Не в его фуфловой охране, а в его сигнализации. Сложной, многоступенчатой, хитроумной системы защиты от тайного проникновения. Поэтому банк можно взять на «гоп-стоп», но никак не украсть что-то из него с улицы! А когда из банка можно украсть деньги? Естественно, когда отключена сигнализация! А она и не включена! В банке находятся люди! Толпа вооруженных людей! Как можно при таком раскладе включить систему защиты? Но как тогда украсть? Через двери – глупо. Через парадный вход зайти? Не «катит».

Соха мусорам обязательно что-нибудь ляпнет, и те догадываются, что двое пришедших – бандиты... Смешно.

Обычно проникают через крышу. Но только не Пастор. Пастор проникает в помещение через пол.

Соха укрепил на бетонном полу подвала домкрат, поставил на него трубу и облегченно вздохнул – труба была нужной длины. Теперь нужно было, чтобы она выдержала силу сжатия и не прогнулась.

– Ставь трубу рядом с колонной, помощник, мать!.. – вполголоса матюгнулся на него Пастор. – Тогда только кусок отломится! Какого хрена ты посреди комнаты его поставил? Хочешь, чтобы нас сверху сейфами засыпало?

Некоторое время Соха качал ручку вхолостую, поднимая трубу до потолка. Когда та уперлась и на голову жулика посыпались первые крошки известки, он остановился и вытер со лба пот.

– Слушай, Пастор, а если *они* сейчас над трубой?..

Вот это было бы уже не очень смешно. Понос одним и камера в СИЗО другим были бы обеспечены одновременно.

– Не бойся. Ты был хоть раз в этом банке?

– Нет, – сознался Соха. – Хули я, клерк, что ли?

– Баран ты, а не клерк. Своих партнеров знать нужно в лицо. Это комната для переодевания персонала. Самое главное, чтобы они не услышали звук подлома. И это... Хочешь совет?

– Ну...

– Нет, хочешь или – нет?

– Ну, хочу.

– Не хочешь, как хочешь. – Пастор отошел подальше и спокойно приказал: – Качай.

– Нет, ты скажи – что за совет?! – зашипел Соха.

– Точно хочешь? Ну, ладно. Когда услышишь треск – хавальником не щелкай и витрину вверх не задирай. Бросай все ручки-трубы и вали в сторону. Я один раз так «стреманулся», что две недели с кровати не вставал.

Соха побелел:

– И ты бы мне сейчас не сказал, если бы я не настоял?

– Мне тот вор тоже не сказал... Качай! Или у тебя времени до хера?! – Пастор перешел на свистящий шепот. – Может, тур вальса по подвалу зарядим?..

Через десять минут, за которые помощник вора едва не надорвал живот, раздался оглушительный грохот и Соха, как заяц, отскочил в сторону...

Вместе с рухнувшими обломками бетона, компьютером и вентилятором на пол подвала, словно чайки, стали спускаться листы бумаги. Отчеты-балансы-дебет-кредит...

Стоя посреди столба пыли, Пастор прошептал:

– А вот сейчас молись, чтобы менты это землетрясение не услышали...

Честно говоря, Пастор верил во все, но только не в то, что этот грохот останется без внимания сотрудников милиции. Поэтому в отличие от Сохи он уже готовился на тюрьму. Его на это сумасшествие толкала только безысходность. Ему не было жаль ни своей жизни, ни жизни Сохи. Бродяга, он сам выбрал свою дорогу, поэтому пусть не обижается... Пастор не боялся ничего и был готов переступить через любое препятствие, даже через труп. Вору нужно было вернуть общак...

Но, к его приятному удивлению, истекли контрольные пять минут, которые он отвел для милиционеров на поиски источника шума, а ни самих милиционеров, ни каких-то подозрительных перемещений замечено им не было.

– Давай, Пастор, я залезу и...

– Сидеть, бродяга! – грубо оборвал его вор. – Не по масти базаришь.

Дальнейшее для Пастора пролетело, как на карусели в луна-парке. Комната... коридор... комната... стол, на котором стоит... На котором стоит кейс Сома! Пастор почувствовал, как у него пересохла губы. У него один раз был сердечный приступ, и тогда было то же самое...

Как сохнут губы...

– Только не сейчас... – просил Пастор, открывая кейс. Если в кейсе вместо аккуратных пачек долларов окажутся газеты или недопитая ментами бутылка водки – вот тогда, наверное, его и хватит удар. Тогда – можно. Но только не сейчас...

Замки поддались и отскочили назад. Пастор медленно, как в полусне, раскрыл створки и... В кейсе лежали упаковки валюты.

– Идиоты, – обратился он к тем, кто принес сюда его общак. – Бензин решили экономить, чтобы во второй раз сюда с бабками не мотаться?

Скинув кейс в руки Сохи, он стал спускаться вниз, постепенно сползая по краю облома. Пока он аккуратно переползал, подельник успел вытряхнуть деньги в сумку и закинуть ее за плечо.

Пастор спрыгнул на пол подвала в тот момент, когда Соха закончил протирать кейс тряпкой. Зачем дарить ментам свои «пальцы»?

Еще мгновение – и они, подгоняемые бурлящим в крови адреналином, бежали к джипу...

Несмотря на то что Антон с детства отличался отменным здоровьем и привык с малолетства выяснять отношения на кулаках, последний «бой» не прошел для него бесследно. Во всяком случае, первые полчаса, пока он пытался настроиться на разговор с сотрудниками милиции. Тем, для того чтобы понять, что произошло, понадобилось ровно две минуты. Самым оскорбляющим их достоинство образом из охраняемого помещения муниципального банка кто-то выкрал воровской общак. Не просто общак, а общак, который играл роль приманки. Вокруг которого находилось около тридцати вооруженных людей.

Милицейские чины среднего уровня, руководившие операцией по «расформированию организованной преступной группировки» и которые не отходили от Антона, всем телом повисли на телефонах. До Антона сквозь шум в голове доносились до боли знакомые команды «объявить «перехват», «направить людей в указанные адреса» и многие другие. Те, которые отдаются, когда из погоню не по своей воле, но прямо на глазах, начинают выпадать лишние звездочки. Антон сквозь туман слушал распоряжения участников задержания вора в законе, которые должны были быть отданы еще вчера. В активе милиционеров был ноль, в пассиве – проломленный в банке пол, украденные финансовые средства, добытые преступным путем, и слегка подбитый судья. Вот сейчас они и пытались выяснить у федерального судьи, кому он преграждал дорогу, как выглядели скрывшиеся и номер машины. Сомнений в том, что это и есть те, в результате кого возможны перемещения в организационно-штатной структуре УВД города, не было.

– Антон Павлович, вы номер машины не помните? – почти умолял Струге автор операции по «расформированию» бедлама Пастора.

– Конечно, помню. – Антон поморщился. – Двести двадцать три. А – К – В. «Антон» – «Константин» – «Виктор». Бежевый «Паджеро». Сзади, на колесе, голова тигра.

Майор поморщился, как от зубной боли. Он стал слышать не только шорох выполняемой звезды, но и треск ниток на погонах.

Стоящий рядом, судя по всему – его коллега, вздохнул и посмотрел на майора, как на *подчиненного*.

– Неплохо было задумано, Игорь Львович. Главное – люди были грамотно расставлены. Ни одного человека возле чемодана с деньгами. И как можно было не услышать звук рушащегося пола? У вас музыка громко играла?

Картина вокруг напоминала пикник на лужайке после отлета звена отбомбивших бомбардировщиков. Под поднятой задней дверью медицинского «рафика» сидел Струге, и на его голове молоденькая доктор держала резиновую подушку со льдом. Вокруг стояли нервный и расстроенный майор, его спокойный начальник и несколько человек в штатском. Чуть поодаль, напоминая своей суетой броуновское движение, перемещались собровцы. Внутри обесшеченного банка работала оперативно-следственная группа, пытаясь понять маршрут движения преступников внутри, а объектом их пристального осмотра был пролом в полу одного из кабинетов.

– Вы знаете, – обратился к старшему управляющий банком, пытаясь хоть немного загладить вину майора, – у нас такая мощная звукоизоляция...

Эффект был обратный. Управляющий был плохо знаком с милицейской системой определения степени вины и методикой перекладывания оной на чужие плечи, поэтому чуть не сел рядом со Струге, когда услышал:

– А мне хоть как на подводной лодке!!! И вообще, идите в банк, пока у вас куртку не украли! Она у вас на вешалке висит?..

Управляющий ретировался, вполголоса бормоча проклятья в адрес каких-то «бестолковых работников», а Струге в очередной раз наморщил лоб:

– Хватит орать, Земцов. Какой дурак придумал этот киношный вариант? Вы что там, у себя, больные? На самом деле ждали, что на вас бандитские танки попрут? А тылы?

Струге попробовал усмехнуться, но у него не получилось.

– Тылы-то почему открыли? А где был арьергард? В авангарде, на передовой? Да-а...

Антон сначала не понял, из-за чего сыр-бор, когда до него донеслись крики: «где общак?!» и «может, они под завалом?», но, когда увидел взвод вооруженных людей, высыпавших наружу, и услышал разговоры оперов по телефонам, догадался. Какая-то неведомая сила заставила его пройти мимо банка в тот момент, когда внутри его и рядом проводилась спецоперация. В эту специальную операцию из-за своей природной любознательности был втянут и он. Результат – преступники похитили из охраняемого банка воровской общак, изъятый у них накануне, и скрылись, помахав всем ручкой. Последнее на себе испытал в полном смысле Антон. Но если бы не он, то сейчас руководители «спецоперации» вообще бы ничего не знали о похитителях. А теперь, после того как Антон назвал номер машины, стало ясно – участником кражи являлся главный объект «спецоперации» – вор с погонялом Пастор – да его поделник. Возможен еще вариант, что кражу совершал кто-то другой, но на машине Пастора. В любом случае, кто бы ни нес трубу, действовал он по плану и следовал указаниям Пастора.

– Было ли что-нибудь у них в руках, Антон Павлович? – в который раз спрашивал майор.

И в который раз Антон отвечал:

– В руках – нет, но за спиной у одного из них висела на ремне сумка.

Но самое забавное было в том, как СОБР познакомился со Струге. Когда затих визг протекторов джипа и спецы наконец догадались, что происходит не просто что-то неладное на улице – происходит что-то незапланированное в их мероприятии, они подбежали к тому месту, от которого еще мгновение назад кто-то кричал им – «бегом ко мне!» – и склонились над Антоном, который делал попытки встать.

– Мужик, ты кто? – спросил один из них.

– Молодец, – отреагировал уже пришедший в чувство Струге. – Сначала отвечаешь на свой вопрос, а потом – спрашиваешь. Старшего давай сюда, нелогичный ты мой...

Вечер вот-вот обещал перейти в ночь. Несмотря на то что работа в банке кипела, хотя кипеть-то ничему особому уже не приходилось – весь пар вышел из банка вместе с Пастором и Сохой, – и энтузиазму майора не было предела, врач рекомендовала Антону отправляться домой. Он отказался от услуг «Скорой помощи» в качестве такси и решил продолжить путь домой в пешем порядке.

Напоследок Земцов – начальник отдела РУБОПа, которого Струге уважал еще со времен работы в прокуратуре, – попросил, по мере возможности, подойти завтра к нему в кабинет. Именно *попросил*, прекрасно зная, с кем разговаривает. Он надеялся, что Антон поможет оформить свои показания письменно. Майор – тот был прост и наивен, он прямо стал навязывать Струге необходимость написания заявления о нападении неизвестных. Напиши Антон его – и по всем законам он обязан будет давать письменные показания и ходить на допросы к следователю. А где побои Струге – там и кража общака. Дела объединяются. А сейчас Антон, пользуясь своей независимостью и неприкосновенностью судьи, мог просто пойти домой, а завтра выйти на работу, забыв о происшествии.

– Знаешь что, дорогой, – посоветовал он майору. – Напиши-ка лучше ты заявление в милицию, как у тебя воровской общак украли. Ты же за него отвечал?

А Земцову сказал:

– Разбирайся ты сам в этой бодяге, Саша. Я просто по балде получил, когда стал свидетелем бегства от банка двух мужиков. Все.

Он встал с подножки багажного отделения «рафика», от чего тот покачнулся, как калека, и пошел домой. По пути его остановил милицейский патруль, но, изучив написанное внутри удостоверения и четко разобрав подпись президента страны, милиционеры извинились. Непонятно зачем сообщив Струге о том, что сейчас по всему городу объявлена операция «перехват», сели в машину и уехали. И всю дорогу, пока Антон добирался до дома, мимо него, сверкая проблесковыми маячками, проносились автомобили.

Объектом розыска был джип «Мицубиси Паджеро» бежевого цвета, с государственным номером «А223КВ». В данный момент этот автомобиль находился на платной коммерческой автостоянке неподалеку, и Соха уже заканчивал привинчивать к нему номера «Тойоты», которую пасторовская братва «отмела» у армянина – владельца сети овощных магазинов. За долги.

Ни Струге, ни Пастору с Сохой не разглядели друг друга в темноте у банка, именно поэтому они молча разошлись на освещенном узком тротуаре, коснувшись друг друга плечами, у самого дома Антона...

Существует множество причин, по которым прозвища прилипают к людям. Но, какой бы глупый характер они ни носили, они являются неизменной визитной карточкой тех, кого ими наделили. На воле, как правило, прозвище является либо производным от фамилии, либо определяющим род деятельности. Иногда – по внешним данным. В местах лишения свободы прозвище, как правило, отражает характер, суть своего хозяина. И, если на воле человек с фамилией Крысов практически обречен, то на зоне вольнодумец, решивший сократить его фамилию для более удобного произношения, может ответить за свои лингвистические способности. Для этого Крысову просто нужно быть вхожим в блатной мир и жить «по понятиям». Зона – не воля, там все гораздо сложнее.

С бомжем Востриковым все развивалось по стезе, определенной в жизни для многих. С детства он получил прозвище Дохлый за убогие физические данные. Сказывались годы, проведенные в детском доме. Востриков из-за постоянного недоедания и зачаточных признаков дистрофии просто не мог вызывать у воспитанников иного о себе мнения. Детский дом он сразу сменил на колонию для малолеток, украв с городскими бродягами овцу из колхозного стада. Овца была умерщвлена, зажарена и съедена в лесополосе, меж городом и деревней. Через день все «шашлычники» были задержаны местным участковым и препровождены в изолятор. Два года проползли для воспитанника колонии Вострикова как десять строгого режима. Все два года он терпел унижения от всех, кого встречал в колонии. Его били, унижали, а один раз даже выкололи на ягодицах двух голубей. При ходьбе в бане эти голуби двигались, нанося удары клювом в соответствующее место. Понятно, что с такой тату попадать во взрослую зону для Вострикова было бы крайне нежелательно. И он помнил об этом всякий раз, когда воро-

вал банки с соленьями из погребов запасливых граждан. А за своих «сизарей» уже на воле он получил прозвище «Миротворец». Постепенно первое прозвище и второе объединились. Поэтому если где-то речь шла о «Дохлом миротворце», то всем бичам в округе становилось ясно, что кто-то интересуется Востриковым. Но все же чаще его называли Дохлым, потому что так короче и вернее.

Есть он хотел всегда, независимо от того, когда принимал пищу в последний раз. Голод мучил его и перед обедом в знакомой с детства лесополосе и после. Голод терзал его даже тогда, когда он, уже не в силах есть похищенные соленые помидоры с хлебом, найденным на помойке, вставал с листы и отряхивался. Он съедал в два, а то и в три раза больше, чем «бичующие» по соседству бродяги, но никак не мог насытиться. Голодная травма детства горела во взрослом человеке с неистовой силой. Кражами он занимался исключительно для того, чтобы приобрести на вырученное съестных припасов. Лучше, если в качестве предмета кражи выступали непосредственно съестные припасы.

Самым любимым и доступным способом присвоения чужого имущества были кражи из погребов. В «побирушке» Вострикова, среди запасной пары грязных и рваных носков, плаستيновой бутылки с водой и прочего скарба, всегда находилась небольшая пила по металлу. Востриков приходил в ужас от перспективы голодной смерти, когда пила с треском ломалась и приходилось искать новое для нее полотно. Объектом своих преступных деяний бомж выбирал погреб, расположенный рядом с железнодорожными путями. Их здесь были сотни, и не приходилось ломать голову – есть там, в темном холоде что-то, что можно съесть, или нет. Тут не ошибешься. Замок новый, погреб недавно открывали, погреб «действующий» – вот и все признаки того, что внутри скрывается целый гастроном. Выбрав нужный погребок, Дохлый принимал возле него положение «для стрельбы лежа» и ждал приближающегося поезда. В лесу очень хорошо слышны различные звуки, а когда в лесу сотни погребов, то на звук распиливаемого металла может прибежать либо любой из хозяев, либо – все сразу. Сомнений в том, что Миротворец сразу после этого станет Дохлым, у самого Вострикова не было. В голодной стране за кровно выращенный и собранный урожай голову могут отвинтить не задумываясь. Вот поэтому Востриков лежал и ждал поезда. Едва на всю лесополосу раздавался стук и грохот, бомж принимался за работу. Он пилил, как Овод, как электропила зэка на кедровой делянке, как пилорама столяра в учебном классе. Но стихал шум проходящего поезда, и Востриков отдыхал. Хорошо, когда проходили грузовые составы. Электропоезд тянул около сотни вагонов, поэтому работа шла быстро. Хуже – с электричками. Те, как понос после соленых огурцов с найденной на помойке банкой кильки: только приступил, и уже поздно. Добротной петли хватало на три состава либо на семь электричек. В любом случае без банок с заготовками и сумкой картошки Востриков место хищения не покидал. Такие воры в блатном мире именуется не иначе, как «кроты». Их удел – постоянно совершать кражи, что-то подкапывая, подламывая и проникая под землю. Но Вострикову было на это наплевать.

Хуже дело было с ночлегом. Летом и ранней осенью можно было спокойно спать при углях костра в той же лесополосе. А что делать в более суровые периоды года? Были еще чердаки и подвалы, но из-за подонков-террористов на все эти «общежития» милиция и жители повесили амбарные замки, которые пилить под шум проезжающего трамвая не станешь. Востриков нашел простой выход. С наступлением холодов он приподнимал крышку одного из люков теплотрассы, спускался вниз и устраивался между водой и небом. Влажно, зато тепло и безопасно. Никто из «коллег» не украдет носки и самое главное – пилу.

Холода уже наступили.

В тот момент, когда судья Струге направлялся после пикника домой, а джип Пастора еще не замер за оградой дома у банка, на этом месте появился Дохлый. Это место, за муниципальным банком, он нашел случайно, зайдя в темноту, чтобы оправиться. Голодная смерть в эту ночь ему не грозила, более того, он всем организмом предвкушал шикарный ужин под шум

канализации под крышкой люка. Сегодняшняя кража принесла ему неожиданный куш в виде четырех бутылок пива и огромной соленой горбуши. Кто-то, очевидно тайком от жены, решил вечером сходить в погреб за картошечкой, а заодно и попить пивка под рыбку, под пере-свист проспавших отлет сородичей птиц. Днем пивко загрузил в холодильник, а вечером... Вечером его будет пить Дохлый. Так всегда. Если где-то убудет, то где-то обязательно прибудет. Закон физики. Или – химии? Не важно. Закон есть закон.

Востриков приподнял крышку люка, вполголоса матерясь и покряхтывая – гастрит порождает изжогу, а изжога – маты, и спустился вниз. До воды оставалось еще около метра, срез люка – в метре над головой – общероссийский стандарт жилого помещения Вострикова и иже с ним. Потерев руки, он, долго не раздумывая, принялся разворачивать рыбу. Крышку он решил не закрывать, так как ночь предстояла, судя по его верным приметам, теплая.

Первая бутылка пива «Толстяк», которого Дохлый за всю свою сознательную жизнь ни разу не пробовал, «ушла» как-то незаметно. Пустая посуда плюхнулась вниз, обрызгав водой ноги бомжа. На эту мелочь не стоило обращать внимания, все оно, внимание, было уделено рыбе, которая почему-то исчезала быстрее пива. Дохлый почти вслух посетовал на то, что, мол, «вот уже скоро пятьдесят, а пива пить, из-за политики государства, так и не научился». Несомненно, в том, что Востриков не научился пить пиво, виновно было правительство страны, его глава и все фракции в Государственной думе.

Вдруг Дохлый заволновался – *над головой* проехала машина. Ему стало понятно, что место для ночлега он выбрал не самое удачное – посреди дороги. А кто тут разберет, в темноте, – где проезжая часть, а где – глубина двора?! Тем более что бутылки, позвякивая, торопили и запах рыбы, струящийся из сумки, волновал. Разве тут сразу сориентируешься? Однажды Дохлый в подобной же ситуации, поутру, едва не оставил свою фотокарточку на бампере проезжавшей мимо «Газели», поэтому в его душу забралась тревога. Но, поразмыслив, что лучшего места все равно сейчас уже не найти, он смирился с положением. «Просто после ужина нужно закрыть крышку, иначе ночью...» – Дохлый решил не думать, что будет в этом случае.

Он напрочь выключился от всех процессов, происходящих вне колодца. Этому помогал шум бурлящей внизу воды. Его волновали лишь оставшиеся три бутылки пива и лежащая на коленях рыбина. Спустя полчаса, когда с горбушей было покончено, а пиво еще оставалось, на его голову что-то рухнуло. От неожиданности и ужаса Дохлый хрюкнул, как боров, вырвал бутылку и обмяк. Он себя уже видел в доме инвалидов, сосущего через соломинку жидкую манную кашу, в гипсе и на утке. Но, к его изумлению, время шло, а боль не наступала. Еще через мгновение бродяга понял, что на его голове лежит не колесо машины, а сумка. Он пошевелился, и сумка сползла вниз, на колени.

Она лежала перед ним, черная в темноте, с оборванным плечевым ремнем. «Сейчас ее будут искать, найдут меня, избыют или убьют», – оракул Востриков сидел в колодце, отсвечивая мертвой белизной своего лица. Его охватил страх. Еще через минуту, когда он услышал неподалеку возбужденные голоса, он решился на страшное. Высунув голову из колодца, он осторожно подтянул к себе крышку и, действуя руками и головой, поставил ее на место. Два часа он сидел, слушая самого себя и шум воды.

Когда он решился открыть сумку, то ожидал увидеть там все, что угодно. Лучшим подарком в так хорошо начавшийся день для него была бы бутылка водки и что-нибудь поесть. Он потянул «молнию» и распахнул сумку...

Глава 6

Пастор сидел в магазине одного из торговцев мягкой мебелью, глубоко утонув в кресле. Час назад Соха нашел торговца на квартире, поднял с постели и заставил снять магазин с охраны. Скрываться Пастору было больше негде – на любой из квартир своих людей его могла ждать засада. А магазин – объект неприметный. Какой ненормальный будет его искать здесь?

Торговец был до утра оставлен в магазине – кто знает, какие мысли ему придут по приезде домой? Вдруг рука потянется к телефону, чтобы в одночасье разрешить проблему избавления от тяготящей «крыши» Пастора? Продавец терпел все это время, потому что в Тернове «снять крышу» можно только одним способом – поменять ее на другую. Платишь «отступные» – и перебирайся в другое «здание». Но куда можно перебраться от Пастора, если в Тернове все проблемы «распедаливает» сам Пастор? А сейчас можно было одним разом стряхнуть ненавистное иго, так как торговец уже понял предмет беседы местных бандитов и сложившуюся ситуацию. Но все его мысли были прочтены вором, поэтому торговец был определен в своем же помещении в отдельную комнату. Для того чтобы он не скучал, двухметровый верзила-телохранитель Пастора – Соня – привез из ближайшей «конторы» проститутку, коньяк и сумку провианта. Телефон из комнаты был унесен, но хозяин магазина и без этого не стал бы испытывать судьбу. Не потому, что девка была хороша, а потому что это был бы его последний телефонный разговор.

Перед Пастором, посреди мебельного зала, стояли восемь его людей. События вчерашнего вечера говорили о том, что они развиваются по непонятной стезе. О ней не думал ни он, Пастор, ни, по его мнению, милиционеры. Какой-то хрен вырвал сумку с общаком из рук Сохи и лишил и тех, и других спокойно жить на этом свете. А может, он мент? И общак снова у РУБОПа? Тогда почему не было слышно криков – «Стой, милиция!» да «Стой, стрелять буду!». Тогда кто же этот «народный дружинник» с зычным голосом, имеющий привычку совать свой нос не в свои дела? Это и предстояло выяснить тем, кто сейчас молча пережевывал жвачку, покуривал или потягивал из банки бескалорийный «пепси», стоя перед Пастором. Это были его люди, проверенные временем и различными изощренными «подставами», на которые только был способен Пастор. Экзамен они выдержали, и уже несколько лет каждый из них верой и правдой служил «хозяину», ни на секунду не забывая о том, кому обязан своим положением и достатком.

– Даю направления работы. – Пастор, потирая ушибленный при прорыве к джипу кулак, поморщился. – Первое. Узнать через «своих», вернулся ли мусорам общак. Второе. Проверить все поликлиники района, где находится муниципальный банк, на предмет обращения лохов с внезапно заболевшей головой. Особенно проверить поликлиники, где обслуживаются менты. У них в городе свои «лепилы». Третье. Пока темно, дожидаться отъезда от банка мусоров и прощмонать всю округу. Кто-то что-то все равно, мне кажется, должен был видеть или слышать. Все.

Увидев, как похожие на монументы подчиненные двинулись к выходу из магазина, над дверью которого висела праздничная вывеска «Поздравляем с покупкой! Вы обязательно вернетесь сюда еще!», он выдал:

– Нет, не все...

Сказал он очень тихо, но этого было достаточно, чтобы строй остановился и развернулся на сто восемьдесят градусов.

– Если кого-то из вас я увижу под «шмальной» или «ваксой» – хоть под пивом, даже если у кого-то будут просто красные «бебики», не говорите, что устали или снимали стресс. Задавлю.

Братва с уважением посмотрела на мощную фигуру Пастора и, понимая промолчав, вышла. Этот парень мог в один момент сделать человека состоятельным, почитаемым в бла-

ном мире, но мог и в одну секунду решить его жизнь в обратную сторону. Пастор – не Фермер или Тимур. Он не сделает западло, если ты этого не заслуживаешь. Он думает, что он – справедливый. На этих простых на первый взгляд постулатах и держался незыблемый авторитет Пастора.

Дождавшись, когда за покинувшими магазин закроется дверь и Соха защелкнет на ней замок, вор поинтересовался:

– Ты точно не запомнил этого лоха?

– Бля буду, Пастор, ты что меня, как замороженного, пытаешь? Я же уже говорил – темно было! Ты же сам там был! Ты его запомнил? Между прочим, ты ему в бубен ударил, а не я.

– Да, я ему бил. А он – тебе! И сумку он у тебя вырвал, а не у меня!

– Че, опять, в натуре, все сначала начинается? – возмутился Соха. – Ну, не отдал же я ему, в самом-то деле! Я что, специально ремень порвал да сумку ему кинул? Застрели меня, может, полегчает!

– Голос. Голос уברי, – посоветовал Пастор, чувствуя, что Соха прав и все претензии к нему – безосновательны. Нужно было самому сумку держать. В конце концов, он за общак ответственность несет, а не Соха. Случись сейчас разборки – крайним оказался бы именно Пастор... – А то, ишь, моду взяли, голос повышать. Трубадуры хреновы...

Соха прекрасно понимал, что Пастор ершится попусту, по привычке, поэтому, не желая для себя губительных последствий, промолчал. Открой сейчас рот – будет то же, что и с тем лохом. Вдруг его осенило:

– Пастор, а ты его, того... Не замочил?

– Заткнись ты! – оборвал его вор. – Мой прямой левый неприятен, но не настолько. Делом лучше займись... Кстати, насчет дела! На-ка «трубу», набери номер «моего» человека. Я ему через дырки в трубке в глаза посмотрю. Хотя стоп. Рано.

Мозг вора работал, как компьютер, включая и отключая опции, поэтому Соха, как управляемый робот, перемещался по магазину, то беря в руки предметы, то снова опуская на место. Его дело – выполнять, а шефу – командовать. Главное, без инициатив. Одна инициатива уже была, и Соху спас только тот счастливый случай, что он оказался прав с милицейской засадой. Пастор был на свободе благодаря именно ему, Сохе. Но благодаря именно ему и сумка с общаком исчезла в темноте. Поэтому в данной ситуации, когда вор считал положение общака по важности впереди своей свободы, лучше молчать и выполнять указания. Но было одно обстоятельство, которое тревожило Соху. Уже не он один намекал Пастору, что вместо «войны с ветряными мельницами» было бы для всех лучше, если бы он, Пастор, дал указание «приопустить» несколько крупных барыжнических фирм с целью восполнения и возврата общака. Но тот уперся, как як, и сдвинуть его убеждения было невозможно. Пастору нужен был именно «тот» общак. Тот, что, по его мнению, находился у «мусоров». Пальцем у виска, понятно, никто вертеть не собирался, даже оставшись наедине с самим собой, но мысли всех были именно об этом.

Внезапно раздалась трель сотового телефона Пастора. Соха видел, как резко среагировал на звонок босс, и от его внимания не ускользнуло то, какое пренебрежение застыло на лице вора, когда тот понял, с кем разговаривает.

– Как сажа бела. Подшиваются...

– ...

– А ты за меня не волнуйся. Ты свою честь береги. Это не вы мне время дали. Это я себе время отмерял. И за все в оконцовке отвечу.

– ...

– Ты со мной так не разговаривай. А то я сейчас не в том состоянии, чтобы это слушать. Могу и нехорошего много наговорить. За что? А за твой бизнес с китайцами. Может, ты уже в

триаду вступил? Нет? А мне по хер, что ты говоришь. Не вижу нужды раньше двадцать первого числа с тобой разговаривать. Даже по телефону.

Пастор отключил связь и с размаху бросил телефон через весь зал. Мягкой мебели в торговом зале стояло так много, что телефон, пролетев с десятков метров, еще раз пять подпрыгивал то на флоксе, то на велюре, то на коже. Он так и не упал на пол, оставшись лежать на одном из предметов гостиной. Соха, вздохнув, некоторое время сидел, закинув ногу на ногу, потом вздохнул и отправился, не включая свет, на поиски трубки.

– «Волыну» еще метни, бумажник, цепьними – тоже захерачь ее подальше... На фиго она нужна? – недовольно бормотал он, шагая по мебели в ботинках в поисках телефона.

– Слушай, Соха. Если рассуждать так, как ты с банком, то, обращая внимание на то, что сейчас суббота, во-первых, и ночь, во-вторых, то зачем проверять поликлиники? Они же не работают. Больной с разбитой головой куда пойдет?

– В ближайший травмопункт. Пастор, ты не обижайся, но я после того, как братва вышла, дал им команду проверять не поликлиники, а травмопункты и приемные отделения.

– Вот сука самодельная! – без злобы воскликнул Пастор. – А где в том районе ближайший к банку травмопункт?

– Сразу за углом. Мне там по малолетке голову зашивали.

– Когда зашили – ничего там не оставили? – Пастор уже встал, проверяя магазин в «беретте».

Глядя на эти манипуляции, Соха взмолился:

– Пастор, ну зачем тебе-то туда идти?! Пацаны все пробацают как надо и доложат!

– Почему – «мне»? Нам. Оставь Соню, пусть он эту сладкую парочку покараулит, а мы с тобой уже идем. Кстати, заведи у Сони ключи от «марковника»...

Врач был прав. Минутное хорошее самочувствие – это после льда. После ходьбы состояние ухудшается, начинает ныть правый глаз и болеть голова. Все это было предсказано женщиной еще там, около банка. Поэтому врач и хотела отвезти Антона домой на машине. Получив отказ, она вручила Струге две таблетки цитрамона, извинилась за отсутствие лекарств и посоветовала утром обратиться к врачу. Будет лучше, сказала она, если Антон Павлович вызовет врача на дом.

Но врач Антону понадобился гораздо раньше – еще до прихода домой. Все, что было нужно и о чем он не догадался в суматохе расспросить доктора там, около машины, это какие нужно купить лекарства и как их принимать. Поскольку у него не язва или инсульт, то стационар ему поможет так же, как и отдых дома до понедельника. Нужно просто купить хороших лекарств, которых сейчас в ночных аптеках столько, что голова идет кругом и без ушиба. Нужна консультация. И только.

Антон встал с постели и начал одеваться. К черту – «врача на дом»! У них там и без него дел хватает – ножевые, сердечные, роженицы. А он, здоровый мужик, будет врача на дом вызывать? Он вышел из дома, повернул под углом в сорок пять градусов от направления движения к банку и, потирая ушибленную височную область, пошел в сторону травмопункта.

Было такое впечатление, словно там ждали именно его. Дежурный хирург, выйдя из тамбура, пошел выбрасывать на улицу сигарету. Открыв дверь, он столкнулся лицом к лицу со Струге, который промолвил:

– Добрый вечер!

– Проходите, пожалуйста, – пропустил Антона врач и метнул окурок в урну. – Что у вас? Разговор продолжился уже в приемной.

– Вот, – пожаловался Антон, показывая распухшую ссадину чуть выше левого виска. – По голове получил.

– От кого? – заинтересовался врач, тщательно вымывая руки под струей воды.

– От жены, – схитрил Струге, зная, что подобные сообщения сразу же отправляются в милицию. От жены – не отправят, если ничего серьезного. А его фамилия в журнале регистрации информации районного отдела внутренних дел явно будет лишней. Решив не тянуть время и поскорее покинуть нелюбимое с детства учреждение, Струге попросил: – Доктор, пропишите лекарство, чтобы – раз, и все прошло.

– Тогда вам к палачу, молодой человек. Или – дровосеку...

Как и ставил предварительный диагноз врач «Скорой», ничего серьезного. Обещания, что сие повреждение заживет до свадьбы, рецепт, рекомендующий приобрести пирокетам, пиркофен и новопассит, запись в журнале – и Антон снова вышел на прохладный воздух. До ближайшей аптеки – сто метров. Почесав затылок, Струге подумал, опустил рецепт в карман и направился к ближайшему ночному магазину. «Чекушка» коньяка «Дербент» – вот что ему сейчас было нужно для того, чтобы успокоиться, снять головную боль и обдумать все произошедшее. В том, что этот случай уже не оставит его в покое, Антон был уверен.

Полиэтиленовый пакет, а за ним и холодильник пополнились, помимо коньяка, одним лимоном, двухсотграммовым кусочком карбонада, банкой шпрот, булкой хлеба и литровой бутылкой «Спрайта». «Кэмела» в магазине не оказалось, поэтому Антон купил две пачки в киоске, рядом с домом.

После развода Антон полностью отдался работе. Он очень мало времени уделял как питанию, так и своему быту. В квартире был порядок, но простыни в шкафу лежали вместе с футболками, холодильник был пуст при тщательно вытертой от пыли мебели и устойчивом запахе «Фаренгейта». Все это говорило человеку, впервые попавшему в квартиру Струге, что здесь живет чистоплотный, но одинокий мужчина.

Порезав на доске карбонад, хлеб и лимон, Антон отнес все это вместе с доской в комнату, оставив на столе нож. Потом, вспомнив почему-то жену, вернулся и убрал нож в стол. Та считала, что нож на столе – это к несчастью.

«К несчастью, несчастью... – думал Антон. – Интересно, куда я ввязался и чем это грозит в последующем?»

После второй рюмки он почувствовал, как к нему возвращается способность рационально мыслить. Сейчас был выходной у *судьи*, и в Струге снова просыпался следователь.

А стоит заниматься этим, будучи наделенным полномочиями для другого? Уже почти встав и начав одеваться, куда – он даже еще не знал, Антон заставил себя успокоиться и отбросить прочь стремление *искать*.

«Нет, Струге, ты еще не судья. Что ты будешь делать, если тебе на стол попадет отписанное для рассмотрения и вынесения приговора уголовное дело по этому самому общаку? Ты даже не вправе вне суда производить какие-либо действия, связанные с установлением законности и вины. Судья должен изолировать себя от подобного, чтобы уверенно и независимо чувствовать себя председательствующим на процессе».

Все существо Антона металось от одного к другому. Он только сейчас, спустя шесть лет, понял, насколько он не судья. *Насколько он не судья...*

Судья – это не просто должность в структуре власти. Судья – это образ жизни. Стиль поведения, отличный от других. Судья не имеет права на ошибку в личной жизни, не имеет права быть заложником обстоятельств или своих собственных чувств. Не имеет права, потому что через эту призму вины ему придется смотреть на других, сравнивая их с собой. И тогда непонятно, как может поступить он, глядя на этих людей, с которыми его разделяет решетка. Судье недаром вручают мантию. В ней нет ничего особенного, что выделяло бы судью на фоне остальных смертных, – она черная и бесформенная, как саван приговора. Но в этом и заключается ее гениальный смысл. Этим одеянием, закрывающим все тело, судья накрывает свои чувства, эмоции, предубеждения. Он не имеет права выпустить поверх мантии даже нательный крест. Потому что вера – это тоже убеждение, это зависимость, это – чувства. Судья закрывает

всю свою страсть и метания мантией, как пожарный закрывает кошмой пылающий огонь. В суде нет места эмоциям. Здесь правит Закон. А Закон – это судья. Но будь проклят тот судья, который вслух скажет: «Закон – это Я». Потому что сам Закон говорит: «Я – это человек в мантии». Хотя он отдан в руки судье, а не наоборот, в суде правит Закон, а не Судья. И горе тому судье, который не желает в это верить, и горе тем, кто верит в него, стоящего с приговором в руках, глядя сквозь частые ячейки решетки или из зала суда...

Ни есть, ни пить больше не хотелось. Антон был рад, что вовремя остановил себя и перешагнул через привычку из прошлого. Может, после пережитого, или свою роль сыграли две рюмки коньяка, только ему смертельно захотелось спать. Уснуть прямо здесь, на неразобранном диване, не раздеваясь. Антону казалось, что такой сон будет самым крепким и спокойным. Сон, где он сможет позабыть обо всем. Главное теперь – не делать резких движений, а просто положить голову на подушку и осторожно, не спугивая блаженной дремоты, положить ноги на диван. Он так и сделал и уже через пять минут, под звук мерно гудевшего холодильника, уснул, провалившись в пустоту...

Пастор и Соха подъехали к травмопункту на вытянутом и блестящем новой эмалью, словно новая ванна, «MARK-2» телохранителя. Пастор заглушил двигатель и кивнул на вход головой:

– И сколько здесь «лепил» сейчас?

– Я что, главврач? Доктор да медсестра, наверное. На случай крушения поезда к ним, наверное, подмога прибывает.

Пастор посмотрел на Соху, как на тяжелобольного.

– Спасибо. Я без тебя вряд ли догадался бы, что они делают в случае крушения поезда. Ладно, пошли.

Радужного приема, как в случае со Струге, им оказано не было. Но его никто и не ожидал. Пастор с подручным миновали приемную и бесцеремонно вошли в комнату отдыха. Врач сидел за столом и что-то писал. Пастор плохо разбирался в служебном документообороте и отчетности, но «лепила» в Горном точно в такой же книге списывал использованные препараты. Учет и контроль при социализме...

– Доктор, поговорить нужно.

– Вы из органов внутренних дел? – Тот положил ручку и недружелюбно, что было вызвано нахальным вторжением, посмотрел на вошедших.

– Мы все с вами появились из *органов внутренних дел*, — заметил Пастор. – Но мы не из милиции.

– Тогда выйдите в приемную и ждите. Я через минуту выйду. Где больной?

– Это мы и хотели выяснить, – вставил Соха. – Док, оторвись на секунду, очень нужно. Времени на разговоры нет.

– Вы не поняли меня. Я сказал – выйдите и ждите. Здесь не частная лавочка! – Врач был рассержен, как водитель автобуса, которому пассажир советует, как правильно ехать по маршруту.

– Нет, это ты не понял, – процедил Пастор и схватил врача за шиворот.

От мощного удара на столешнице раскололось стекло и упал на пол канцелярский набор. Ручки, карандаши и скрепки, жалобно что-то прошептав, разбежались по углам маленькой комнаты. Из разбитого лба врача осторожной струйкой сбегала на нос кровь.

– Доктор, не заставляй меня ломать тобой мебель, – продолжал цедить Пастор. – Все, что мне нужно знать, – это кто к тебе в ближайшее время обращался за помощью или советом по поводу разбитой головы. Говори – и мы уйдем. И забудь об этой клятве. Как ее... Гиппократы.

Без всякого сомнения, врач был порядочным человеком, но приходит момент, когда у некоторых порядочных людей страх выдавливает из сознания все остальные качества. Чувство

самосохранения у врачей, пожалуй, развито на подсознательном уровне, ибо о том, как легко умереть, они знают лучше, чем все остальные.

Через некоторое время, за которое врач не успел даже выкурить сигарету, Пастор, пролистав журнал приема посетителей, выяснил, что час назад в травмопункт с ушибленной раной правой височной области обращался некий Струге Антон Павлович, тридцать шесть лет, безработный, проживает на улице Гоголя, дом пять. Дальше шло пояснение о жене, диагноз...

– Смотри. – Пастор ткнул пальцем в журнал. – Правая височная область.

– Ну, и что? – не понял Соха.

– Я левша. И бил я тому лоху слева.

– Думаешь – он?

Вместо ответа Пастор захлопнул журнал, подошел к доктору и сунул в карман его халата пятьдесят долларов. Так же молча пошел к выходу. Соха в привычном возмущении шевельнул, как рыба, губами и заторопился следом.

– Гоголя, пять, квартира тридцать, – приказал вор, усаживаясь на пассажирское сиденье «марковника». – И быстро.

Глава 7

Всю ночь и часть утра Востриков просидел в колодце, не сомкнув глаз. Он напоминал плюшевого медведя, посаженного заботливыми родителями под елку с подарком в лапах. Когда посреди ночи по колодцу грохотали тяжелые ботинки и слышалась чья-то отрывистая речь, он вспоминал фильм с радисткой Кэт. Разведчицей Катей Козловой, которая так же, как он, сидела в колодце с бесценной ношей на руках. Название фильма он, как ни тужился, вспомнить не мог. Руки, ноги и даже шея Дохлого давно затекли, и он их почти не чувствовал. Востриков приладил ремень к сумке и перебросил ремень через плечо, чтобы – не дай бог! – с сумкой не произошло то же, что и с бутылкой пива. Через час после падения сумки он пересчитал деньги. Если они были не фальшивые, то в сумке находилось восемьсот тысяч самых настоящих американских долларов. От озвучивания этой суммы Вострикову чуть не стало плохо. Курс доллара по отношению к рублю был ему хорошо известен. Ежедневный утренний маршрут его движения по «своей» территории пролегал мимо коммерческого банка, поэтому, когда он вынимал пустые бутылки из урны у входа, перед глазами Миротворца постоянно стояли цифры, горящие рядом с той самой урной. «Отбросив» копейки, не желая мелочиться, Востриков умножил восемьсот тысяч на двадцать девять. Умножал он около часа, до половины второго ночи. Когда же он понял, что в сумке около двадцати трех миллионов рублей, вот тогда ему и стало плохо.

И еще стало страшно. Дохлый не знал, что ему делать с такими деньгами. Первое планирование, на которое ему хватило ума, был подсчет количества дней, которые можно было бы прожить на эти деньги, имея в сутки бутылку водки и пятьдесят рублей на продукты. Получились не дни, а шестьдесят с лишним лет. Постепенно Востриков начал мыслить более практично и приобрел, в уме, конечно, однокомнатную квартиру, машину и дачу. Деньги не убывали. К третьему часу ночи он приобрел в собственность уже четырехкомнатную, две машины и три дачи. Деньги по-прежнему не заканчивались. Он посетил платные курсы водителей, купил огромный джип, вылечился от гастрита и дистрофии за границей, оделся на все сезоны с трехлетним запасом и обставил квартиру мебелью. Проклятые деньги до конца все равно не тратились. На последнем распределении финансов фантазии Миротворца иссякли, и он, поняв, что теперь точно не умрет от холода и голодной смерти, успокоился.

Через десять минут он снова забил тревогу. Где хранить деньги?!

Их можно было закопать в лесополосе, постоянно носить с собой или сдать в банк под проценты. Банкирам Востриков не верил – «кинут». Подумав, добавил: «В банк не пустят». Закопать в лесу – страшно. Вдруг кто-нибудь откопает?! От этой мысли Дохлый съежился и сжал сумку так, что в ней закрипели пачки банкнот. Носить с собой? До первого милийского шмона. «Вот суки удивятся!» – в истерике хихикнул Востриков и тут же стал серьезным. Подходило утро, а он еще не придумал способ хранения *вечных* денег. Когда по колодцу, весело протопав по крышке, прошли в школу ученики, Дохлого озарило.

В лесополосе, примыкающей к железной дороге, помимо «действующих» погребов, в которые постоянно наведывались хозяева и он, Востриков, было великое множество полуобваленных, брошенных ям. Эти погреба давно никем не используются и не прельщают никого, начиная от желающих не рыть погреб, а восстановить – обваленные погреба не восстанавливаются, до бомжей, подобных ему, ищущих место для обогрева и пропитания. Это – самое верное место. В одной из таких ям, глубиной более двух метров, и можно оборудовать тайник, который выступит в качестве банка. Ни тебе процентов за «обналичку», ни дефолта, ни замораживания счета в случае неправомерных действий его, Миротворца. Востриков даже мелко захихикал, приятно удивленный такой сообразительностью. Он почему-то забыл, что на решение этой проблемы потратил ночь и часть утра. Вот теперь главное – донести... о-о-йо-о... –

Дохлый даже не смог в уме произнести сумму, которую ему нужно перенести в замызганной «побирушке» от колодца до лесополосы.

На выползание из колодца ушло около десяти минут. Почти омертвевшие и оттого непослушные конечности и даже внутренние органы работали в автономном режиме, сами по себе, не желая получать через мозг команды Вострикова. Он, как осьминог, распластался на земле, задвинул крышку люка и еще некоторое время собирал себя в «кучу». Последнее выражение он обычно употреблял, когда проходил мимо милицейского патруля с авоськой ворованной картошки и парой банок разносолов. Этот момент был самым тяжелым в последние дни жизни и деятельности «крота» Вострикова. Голуби с его задницы непременно перелетели бы на крышу ближайшей колонии общего режима, если бы его хоть раз милиционеры застукали с несовместимыми с его социальным положением, заботливо закупоренными банками с помидорами. А потом... Почему кражи из погребов раскрываются очень быстро, но хозяевам ничего не возвращается? Потому что опера – они умные. Кто крадет продукты из погреба? Самый конечный народ – бомжи. Вот на любого из них, при первой же поимке первого же попавшегося, можно «перевесить» около сотни «висящих темняками» на РОВД краж из погребов. Какая бомжу разница, за сколько эпизодов краж он поедет зону топтать – за один или за сто? Статья и срок совершенно одинаковые при любом раскладе. А так, вполне возможно, в кабинете чаем напоят. А если и не напоят, что более вероятно, то сигарет в камеру – точно дадут. Есть ли смысл упрямыться? «Да, Ваша Честь, за этот сезон я «обнес» сто восемь погребов с продуктами». – «Как же вы это смогли все съесть?» – «А у меня ботулизм». – «Что?..» – «Ботулизм. Постоянно есть хочу. Не верите? А пусть секретарь суда просунет в клетку пять килограммов вареной «Докторской» – и к концу чтения приговора посмотрите, что с ней станет...»

Поэтому Востриков всегда сжимался («собирался в кучу») при виде формы цвета «грязный асфальт». Сейчас он нес не пять кило картофеля, а восемьсот «тонн» «зеленых». Поэтому если чем и пахло для Дохлого всю дорогу до лесополосы, то не «Докторской» и пустячным сроком на общаке, а устойчивым пихтовым запахом сибирских просторов. Оставалось только догадываться, что это за деньги и каким путем они добыты. Ежу ясно, что не так, как Дохлomu. Но Вострикову повезло и на этот раз. Было воскресенье, что, очевидно, накладывало особый отпечаток на бдительность милиции, поэтому он без потерь проник в лесополосу, выбрал самый зловонный и отвратительный на вид разрушенный погреб и спустился вниз.

Через некоторое время он выбрался наружу, сжимая в руке сотенную купюру. Было уже девять часов утра, а во рту у Дохлого еще не побывало ни одной крошки. Сначала он привычным шагом тронулся в глубину леса, поближе к железной дороге, но потом, спохватившись и вспомнив о деньгах, засеменил своей дистрофичной трусцой в город. Пусть банки не работают – у «менял» всегда можно поменять валюту на рубли и наоборот. Менее чем двадцать девять к одному новоиспеченный брокер Востриков ставить не собирался...

Антон проснулся, словно опустился с небес на землю. В комнате настойчиво переливался трелью телефон. Что за черт? Струге непонимающе уставился на сервировочный столик у дивана, на себя, одетого, и посмотрел в зеркало в мебельной «стенке». Телефон продолжал настойчиво петь, а Антон никак не мог прийти в себя. Воспоминания о вчерашнем возвращались медленно, словно протекая сквозь игольное ушко. Он мог отчитаться за каждый день из шести лет своего «судейства», но прожитый накануне день был словно засвеченный в проявленной фотопленке кадр. Помогла головная боль. Едва она вошла в голову, не торопясь, со знанием дела, как память сработала на опережение. Разгадав загадку своего дежавю, Струге встал с дивана и подошел к телефону. В том, что звонит Пащенко, он не сомневался. Так нагло ждать подхода абонента, будучи уверенным, что тот дома, не вешая после пяти гудков трубки, может только он. А если Струге с женщиной и эти трели раздаются в самый неподходящий

момент?! Не волнует. Женщина подождет. А если не женщина, а он сам ждать не может? Не волнует.

Конечно, это звонил Вадим. Он пожурил Струге за долгий сон, напомнил о футболе, поведал о том, что у него всю ночь болел живот, и «забил стрелку» в одиннадцать у входа на стадион. Судя по шумам в трубке, у него работал телевизор, но ни по одной из программ не мог идти фильм, в котором отчетливо для Антона прозвучала бы фраза: «Прокурор, твой гребаный кофе готов, а я пошла, приятно поорать на стадионе». Там была еще и женщина. Была, потому что в момент назначения встречи у стадиона в квартире Пашенко громко хлопнула дверь.

«Вот так, – думал Антон, раздеваясь перед походом в душ. – Одни по ночам любовью занимаются, да по утрам им готовят хоть и «гребаный», но кофе. А я, Моя Честь, на грязных погребках жулье высматриваю. Какой ты судья, Струге? Ты – мент».

Последнее замечание в свою сторону чуть было не испортило настроение Антону. Ему было обидно признаться самому себе не в том, что он продолжает быть следователем, а в том, что он – не судья.

Принимая на тело упругие струи воды, он поймал себя на том, что думает о Земцове и вчерашнем, так позорно закончившемся мероприятии недоумков от милиции. Сколько их, безбашенных, твердоголовых и яйцелобых, сейчас трудится, пытаясь защитить всячески открепчивающийся от них Закон? Антон вспоминал уголовные дела, и перед ним всплывали, как на экране компьютера, документы, «подготовленные» такими сотрудниками милиции. Эти документы находились в делах и попадали в суд. И именно на основе этих документов судье Струге нужно было решать человеческую судьбу. Да пусть он будет трижды негодяй, этот преступник! Никто не собирается идти от обратного и утверждать, что он не подонок! Это удел адвокатствующей братии. Но если ты сотрудник уголовного розыска или следствия и решил прекратить преступную жизнь негодяя, то ты работай не для того, чтобы побыстрее заполнить карточку о раскрытии преступления или сдать в суд дело! Понятно, что у вас этот свистящий во все дыры, дебильный во всех своих проявлениях план, но если ты, во-первых, порядочный человек, то ты работай не на план, а на дело! Боишься, что выкинут из органов, как собаку, и со своим образованием и способностями не найдешь пристанища в народном хозяйстве?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.